РК-ХГУ-Ч
А394819

Заводъ и склады сельскохозяйственныхъ машинъ

Т-во М. Гельферихъ-Саде

ВЪ ХАРЬКОВѢ

СЪ ОТДѢЛЕНІЯМИ:

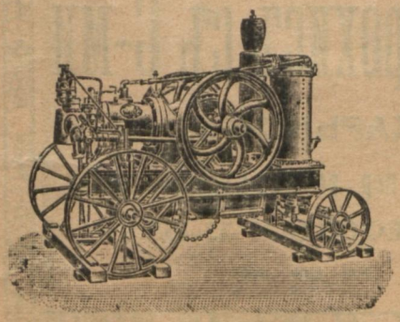
въ Армавирѣ,
» Абдулинѣ,
» Александровскѣ,
» Булацелевкѣ,
» Бѣльцахъ,
» Гавриловкѣ,
» Георгіевскѣ,
» Градижскѣ,
» Гришинѣ,
» Давлекановѣ,
» Джанкоѣ,
» Ейскѣ,
» Екатериновкѣ,

въ Изобильной,
» Камнѣ,
» Константиноградѣ,
» Кореновской,
» Коченевѣ,
» Красномъ-Кутѣ,
» Кременчугѣ,
» Курсавкѣ,

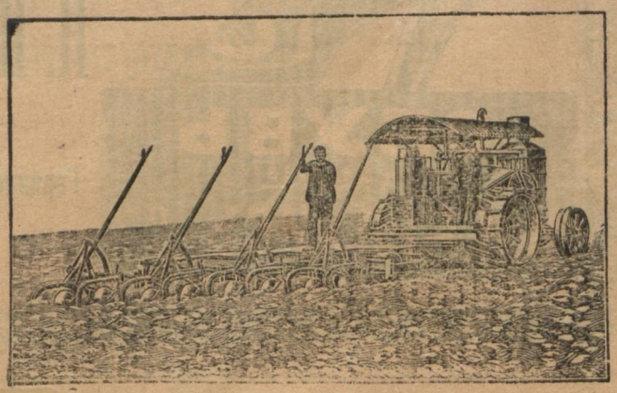
въ Лабинской,
» Лозовой,
» Миллеровѣ,
» Ново-Николаевскѣ,
» Новопокровской,
» Одессѣ,
» Омскѣ,
» Павлодарѣ,
» Пензѣ,
» Подгородномъ,
» Покровскомъ,
» Покровской слоб.,
» Полтавѣ,

въ Прохладной,
» Розовкѣ,
» Ромоданѣ,
» Ростовѣ н/Дону,
» Саратовѣ.
» Сахновщинѣ,
» Сватовой-Лучкѣ,
» Себряковѣ,
» Семеновкѣ,
» Синельниковѣ,
» Суджѣ,
» Уральскѣ,
» Усть-Лабинской.

Молотильныя гарнитуры „КЛЕЙТОНА и ШУТЛЬВОРТА“

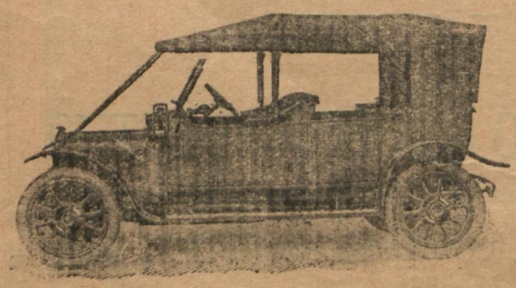


НЕФТЯНЫЕ ДВИГАТЕЛИ:
Петтеръ, Горнсби
Клейтона и Шутльворта.



Трактаторы „ГАРТЪ-ПАРРЪ“.

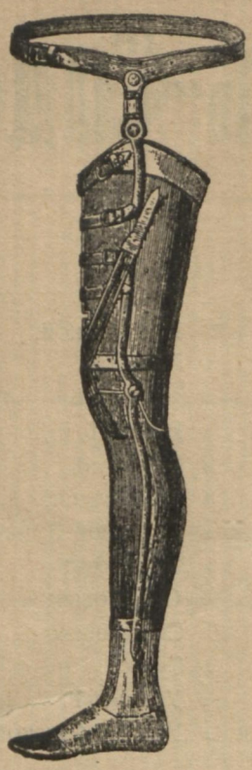
Сельскохозяйствен. машины
своего завода и
лучшихъ иностранныхъ фирмъ



Автомобили „ОСТИНЪ“.

КАТАЛОГИ и ПРОСПЕКТЫ
БЕЗПЛАТНО.

А394819



АДОЛЬФЪ МЕЙЕРЪ

ХАРЬКОВЪ,

Московская ул., № 6, противъ кондитерской Дирбергъ.

Телефонъ № 20--24.

Медико-хирургическіе инструменты.

Принадлежности для ухода за больными.

ОЧКИ, ПЕНСНЕ.

Ортопедическіе аппараты и протезы.

Фабричный Магазинъ

ОБУВИ

Акціонернаго Общества

Н. И. Брохисъ съ С-ми

ХАРЬКОВЪ,

Горяиновскій пер., ряд. съ Сѣверной гостин.

ТЕЛЕФОНЪ № 33—58.

Типографія „Утро“

ИСПОЛНЯЕТЪ ВСЕВОЗМОЖНЫЯ ТИПОГРАФСКІЯ И ПЕРЕПЛЕТНЫЯ РАБОТЫ

НЕДОРОГО, АККУРАТНО и ДОБРОСОВѢСТНО.

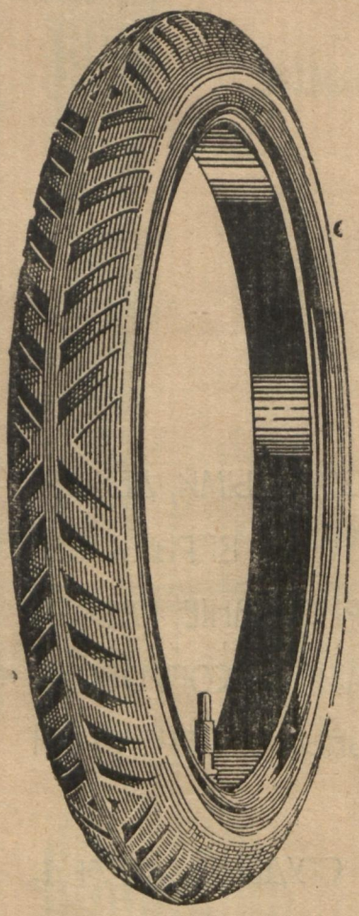
ХАРЬКОВЪ, СОЛЯНИКОВСКІЙ ПЕР., № 12.
ТЕЛЕФОНЪ № 358.

БЮРО ТРУДА
ПРОФЕССІОНАЛЬНАГО СОЮЗА
СТУД.-МЕДИКОВЪ.

УХОДЪ ЗА БОЛЬНЫМИ, ДЕЖУРСТВА, МАССАЖЪ, ВПРЫСКИВАНІЯ, ОСПОПРИВИВАНІЕ, РАБОТА НА ЭПИДЕМІЯХЪ, СОПРОВОЖДЕНІЕ БОЛЬНЫХЪ, ПЕРЕВЯЗКИ и т. д.

ИМѢЮТСЯ СТУДЕНТЫ-ФЕЛЬДШЕРА СЪ МНОГОЛѢТНЕЙ ПРАКТИКОЙ.

СЪ ПРЕДЛОЖЕНІЯМИ ПРОСЯТЪ ОБРАЩАТЬСЯ **ЕЖЕДНЕВНО**: СУМСКАЯ, 41 ВЪ ПОМѢЩЕНІИ МЕДИЦИНСКАГО КОРПУСА.



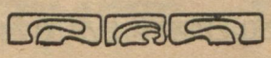
ТОЛЬКО
ШИНЫ
КОЛУМБЪ
Т-ва „Проводникъ“

гарантируютъ Вамъ безопасную ѣзду

по снѣгу и гололедицѣ.

ХАРЬКОВСКІЙ СКЛАДЪ

1-й магазинъ уг. Горяиновскаго и Монастырскаго пер. Телеф. № 298
2-й „ Павловская пл., д. Купеческ. Банка. Телеф. № 25—90.
3-й „ Екатеринославская ул., № 1. Телеф. № 12—66.
4-й „ Конная площ., № 12. Телеф. № 21—69.
5-й „ Панасовская ул., № 81 домъ Завьяловой.



Подъ руководствомъ опытнаго фабричнаго мастера производится ремонтъ шинъ паровымъ фабричнымъ методомъ.

СТУДЕНЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ
GAUDEAMUS

ХАРЬКОВЪ. | ПЯТНИЦА, 17 ЯНВАРЯ. | 1914 ГОДЪ.

„ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ“

Б. Куликова.

НЕСБЫВШІЯСЯ СКАЗКИ.

Тѣни яркихъ отраженій—
Тѣни въ блесткахъ янтаря!
Гаситъ въ урнахъ сновидѣній
Ихъ вечерняя заря!

* * *

И несбывшіяся сказки
Озлащаютъ блеклый день;
Вѣетъ лаской этой маски
Фантастическая тѣнь.

* * *

Тѣнь растетъ, летаетъ, таетъ,
Тѣнь минувшихъ полусновъ,
Струны тихо колыхаетъ,
Струны треснутыхъ міровъ.

* * *

Тѣни зыблятъ сонмъ видѣній;
Гаснетъ трепетно заря...
Тѣнь минувшихъ отраженій,
Тѣнь въ отсвѣтахъ янтаря!

РУССКАЯ БЕЛЬГІЯ.

Степи кругомъ. Темная ночь.
Поѣзда гулъ откликается.
Краснымъ огнемъ черная ночь
Черная степь озаряется.
Льется чугунъ; съ жгучей струей
Стонъ изъ груди къ небу просится.
Черный колдунъ черной змѣей
Поѣздъ по степи проносится.

* * *

Съ стономъ людскимъ льется металлъ...
Вспышки все новыя, новыя...

Змѣемъ большимъ льется металлъ;
Отблески въ небѣ багровые.

* * *

Страшно кругомъ. То здѣсь, то тамъ
Трубы, въ огнѣ озаренныя;
Краснымъ огнемъ вдругъ къ небесамъ
Ленты летятъ раскаленныя.

* * *

Черная ночь красной рѣкой
То здѣсь, то тамъ обагряется...
Прочь лети, прочь... Черной тоской
Темная ночь откликается.

ИЗЪ ПѢСЕНЪ ОДИНОЧКИ.

Сны золотые, все сны о волѣ,
Сны золотые, мечты не болѣ!
Ночной порою струей пѣвучей
Звучитъ сквозь стѣны аккордъ созвучій.
Сны золотые, мечты свободы,—
Летаютъ вьются ихъ хороводы.
Движеній нѣжныхъ легки извивы,
Волшебны, чудны ихъ переливы.
Пусть толсты стѣны, пусть своды мрачны,
Они—лазурны, они—прозрачны;
Сны золотые, мечты не болѣ,
Сны золотые, все сны о волѣ.

Б. Куликовъ.

НЕ ЛУЧШЕ-ЛИ ТАКЪ?...

РАЗСКАЗЪ И. П. БѢЛОКОНСКАГО.

I.

У большого открытаго венеціанскаго окна съ чуднымъ видомъ на синее-синее море, сверкавшее подъ яркими лучами горячаго Кавказскаго солнца, сидѣла въ мягкомъ широкомъ креслѣ 19-ти лѣтняя красавица Лидія Сергѣевна Сребдольская.

Вся ея фигура выражала тревогу и ожиданіе. Съ ранняго утра у нея было лихорадочное состояніе и значительно повышенная температура. Встревоженные мать и отецъ рѣшили немедленно созвать консиліумъ. Съ минуты на минуту долженъ былъ явиться постоянный врачъ, лѣчившій Лидію Сергѣевну, и двѣ, рекомендованныя имъ, знаменитости по легочнымъ болѣзнямъ.

Больная не отрывала глазъ отъ двери, ожидая прихода врачей, и задавалась про себя вопросомъ,—что скажутъ они.

Не смотря на всѣ предосторожности, которыя дѣлались постояннымъ врачемъ и родными, утверждавшими, что она, Лида, лишь нездорова вслѣдствіе упорной, но совершенно безопасной формы инфлуэнціи, имъ все же не всегда удавалось сохранить полное спокойствіе, да и сама молодая дѣвушка чувствовала, что съ нею творится что-то неладное. Но все-же безнадежность не приходила ей даже въ голову, и Лидіи Сергѣевнѣ хотѣлось лишь узнать, скоро-ли она совершенно оправится. Осенью предстояла ея свадьба съ безумно любимымъ ею Петромъ Владиміровичемъ Калинскимъ, который, подготовляясь къ каѳедрѣ, заканчивалъ свое медицинское образованіе за-границей. Лидія Сергѣевна приходила въ ужасъ при мысли, что не поправится къ этому желанному моменту. Вотъ для чего ей нужны были врачи.

Въ одинъ изъ такихъ моментовъ раздумья послышались за дверью шаги. Молодая дѣвушка заволновалась и ин-

стинктивно стала оправляться, взглянувъ въ трюмо, стоявшее у стѣны противъ кресла.

Дверь отворилась. Одинъ вслѣдъ за другимъ вошли торжественно знаменитости, а за ними слѣдовалъ постоянный врачъ.

— О-о, да вы совсѣмъ молодцомъ выглядите,—дѣланно улыбаясь, сказала одна знаменитость, протягивая руку больной.

— Пожалуй, коллега напрасно пригласилъ насъ,—съ напускною веселостью произнесла другая знаменитость.

— Да я, собственно, для успокоенія совѣсти,—отвѣтилъ постоянный врачъ,—а лично не вижу ничего особеннаго...

— Ну, разъ ужъ прибыли,—приступимъ,—сказала первая знаменитость,—растегните вашу кофточку...

Долго и внимательно выслушивали и выстукивали больную спеціалисты по легочнымъ болѣзнямъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ постояннымъ врачемъ вышли въ сосѣднюю комнату.

Какъ только затворилась за докторами дверь и утихли шаги, Лидія Сергѣевна, съ трудомъ поднявшись съ кресла, тихо-тихо подошла къ двери и стала смотрѣть и подслушивать въ замочную скважину.

Врачи сидѣли у круглаго столика и, инстинктивно посматривая на дверь, такъ тихо бесѣдовали, что дѣвушка ничего не могла разобрать. Черезъ нѣкоторое время постоянный врачъ поднялся и прошелъ въ слѣдующую комнату. Оттуда онъ возвратился съ отцомъ. Тогда поднялись два другіе врача и одинъ изъ нихъ, какъ показалось больной,—произнесъ: „безнадежно". Дѣвушка вся похолодѣла, вперила взоръ въ скважину и увидѣла, что отецъ ея, опустившись на кресло, тихо зарыдалъ, приложивъ платокъ къ глазамъ.

— Значитъ, я не ослышалась,—мысленно произнесла больная.

Она почувствовала, что силы оставляютъ ее и, съ большими усиліями добравшись до кровати, вся покрытая холоднымъ потомъ и чувствуя ознобъ, уткнулась въ подушку и заплакала.

Спустя немного, тихо скрипнула дверь; въ комнату вошли отецъ и мать; они улыбались, но на глазахъ были всѣ признаки недавнихъ слезъ.

— Что съ тобою, моя дорогая?—спросила мать, садясь на кровати и глядя въ глаза дочери,—ты плакала?

— Нѣтъ, раскашлялась послѣ выстукиваній и выслушиваній...

— Ахъ, вотъ что...

— Ну, это пустяки,—сказалъ отецъ,—доктора подтвердили наше предположеніе, что ничего серьезнаго у тебя нѣтъ.

— Да?—горько улыбнувшись, произнесла дочь.

Родные замѣтили эту странную улыбку и инстинктивно переглянулись.

А Лидія Сергѣевна, скрывая смущеніе и стараясь сохранить полное спокойствіе, обратилась къ нимъ съ просьбою, которая привела отца и мать въ полное изумленіе.

— Я бы хотѣла подѣлиться моею радостью съ Петей,—сказала она.

— Да, мы ему будемъ телеграфировать,—отвѣтилъ отецъ.

— Нѣтъ, я хочу, чтобы Петя пріѣхалъ...

— Но вѣдь онъ сейчасъ заканчиваетъ свои работы...

— Знаю, и все-же прошу... Я вѣрю только ему одному и хочу, чтобы онъ высказался о моей болѣзни.

— Лидочка,—замѣтила мать,—тебя выслушивали извѣстные...

— Это для меня безразлично... Если вы желаете оказать мнѣ болѣе чѣмъ удовольствіе, вы должны исполнить мою просьбу...

— Но черезъ мѣсяцъ онъ самъ пріѣдетъ...

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!—со слезами на глазахъ и вспыхнувшимъ на щекахъ румянцемъ почти крикнула больная,—я хочу, я требую, чтобы онъ сейчасъ пріѣхалъ, какъ только получитъ телеграмму!..

— А если онъ не сочтетъ нужнымъ...

— Я беру отвѣтственность на себя и прошу отъ моего имени обмануть его, телеграфируйте за мой страхъ: „Лида безнадежна. Пріѣзжайте немедленно"...

Родные опять тревожно переглянулись и мать сказала:

— Не волнуйся, моя милая, просьба твоя будетъ исполнена.

— Только помни, мама, если телеграмма иначе будетъ составлена...

— Ты не довѣряешь матери?

— Нѣтъ, нѣтъ, моя дорогая... И сейчасъ-же пошли съ уплаченнымъ отвѣтомъ.

II.

Не смотря на совершенную слабость, высокую температуру и ознобъ, Лидія Сергѣевна, при помощи матери и горничной, принарядилась.

Она надѣла то бѣлое кисейное платье, въ которомъ годъ тому назадъ, въ лѣтній лунный вечеръ встрѣтила въ саду, въ Малороссіи, Петра Владиміровича предъ его отъѣздомъ за-границу. Въ этотъ незабвенный вечеръ онъ признался ей въ своей любви, а она въ знакъ согласія молча протянула свою руку. Онъ покрылъ ее горячими поцѣлуями... О, какъ измѣнилась съ тѣхъ поръ моло-

дая дѣвушка!.. Она сегодня нѣсколько разъ смотрѣла въ трюмо и пришла въ ужасъ. Ей хотѣлось плакать, но она боялась, что заплаканные глаза только придадутъ худшее выраженіе болѣзненному лицу... А онъ вотъ-вотъ долженъ былъ пріѣхать.

Лежа на кровати и глядя на море, Лидія Сергѣевна напряженно вслушивалась,—не загудитъ-ли свистокъ. Часовая стрѣлка словно застыла и съ необыкновенною медленностью двигались къ 10 часамъ, когда, по расписанію, долженъ прибыть пароходъ.

Вотъ высоко уже поднялась луна и широкою серебристою лентою отразились ея лучи въ тихомъ, какъ озеро, морѣ. Боже, какъ красива эта масса водъ при лунномъ свѣтѣ!

— А я должна умереть!—про себя думала молодая дѣвушка,—уйти отъ этой дивной природы въ сырой мракъ могилы... „Безнадежна!"

И ужасная, нестерпимая тоска и страхъ овладѣли всѣмъ организмомъ больной.

Вдругъ загудѣлъ пароходъ. Она вся встрепенулась и встала, чтобы подойти къ окну, но почувствовала такую слабость, что должна была прилечь на кровать.

Въ это время въ комнату вошла мать.

— Слышала свистокъ, моя дорогая?—обратилась она съ вопросомъ къ дочери.

— Да, мама.

— Отецъ пошелъ встрѣчать...

— Ахъ, милый папочка!... Мнѣ хотѣлось бы подойти къ окну... Помоги мнѣ...

— Но зачѣмъ тебѣ?

— Нѣтъ, я хочу сидѣть въ креслѣ, я не хочу испугать его... И огня не надо... Я такая страшная...

— Что ты, Богъ съ тобою, мое дитя!.. Ничего страшнаго...

— Ахъ, не говори, мама!.. Помоги мнѣ...

— Пойдемъ.

Подавъ руку, мать повела больную и посадила въ кресло, передъ окномъ.

Изъ него видъ былъ еще очаровательнѣе. Высоко надъ моремъ раскинулся темно-голубой небесный шатеръ; луна подходила уже къ закату, и отъ горизонта до береговъ середина моря пересѣкалась широкою серебристою дорогою; по бокамъ ея тихія воды отсвѣчивали сталью; откуда-то доносилось пѣніе хора; тамъ и сямъ въ лунномъ свѣтѣ виднѣлись парусныя рыбачьи лодки.

— И зачѣмъ посылаютъ людей умирать въ такой обстановкѣ,—глядя въ окно задумчиво произнесла молодая дѣвушка.

— Что тебѣ вздумалось говорить о смерти,—тревожно сказала мать.

— Гораздо лучше,—между тѣмъ продолжала больная, словно бы не слышавшая словъ матери,—если бы смерть застигла людей въ какой-либо самой тоскливой, сѣрой мѣстности, въ глубокую дождливую и грязную осень, когда такъ дѣлается тоскливо, что не хочется жить... А здѣсь—это невыносимо!..

— Но почему ты...

— Ахъ, мама, будто-бы я не чувствую, не знаю...

— Голубушка моя,—еле сдерживая слезы, начала было утѣшать мать.

Но въ это время въ комнату вошли отецъ и Петръ Владиміровичъ. Послѣдній быстро направился къ больной и, цѣлуя протянутую ему худую, потную руку, съ поддѣльною веселостью спросилъ:

— Ну, какъ ты себя чувствуешь, Лидочка?

— Плохо, милый...

— Не слѣдуетъ падать духомъ... Впрочемъ, постой, не будемъ утѣшать себя словами, а обоснуемъ наше настроеніе на основаніи медицинской науки: я тебя сейчасъ выслушаю...

Мать и отецъ вышли. Петръ Владиміровичъ взялъ подъ руку свою невѣсту, уложилъ ее въ кровать и сталъ выслушивать.

Отсутствіе освѣщенія дало ему возможность скрыть смущеніе и смертельную блѣдность, покрывшую его лицо, когда онъ, выслушавъ больную, убѣдился въ полной безнадежности на исцѣленіе ея.

— Ну, что ты думаешь?—спросила Лида Сергѣевна.

— Я?—переспросилъ Калинскій,—какъ бы затрудняясь дать отвѣтъ.

Затѣмъ, подумавъ немного, онъ сказалъ:

— Ты, вѣроятно, будешь поражена, если я тебѣ скажу, что ты совершенно здорова!

— Ты обманываешь меня, милый?

— За кого ты меня принимаешь?

— Ну, ошибаешься... Десять дней тому назадъ былъ консиліумъ...

— Знаю, знаю, отецъ мнѣ говорилъ...

— И ты стоишь на своемъ...

— Да, глубоко убѣжденъ, а въ доказательство этого убѣжденія завтра-же на зарѣ или, точнѣе, сегодня часа въ три ночи мы отправимся съ тобою на мысъ встрѣчать восходъ солнца...

— Неужели?! Ты увѣренъ, что это возможно?!.. Мама! Папа!

Вошли родные.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ отецъ.

— Петя говоритъ, что я здорова, что я совершенно здорова!—слабымъ голосомъ почти кричала молодая дѣвушка.

— Да мы въ этомъ не сомнѣвались.— сказалъ отецъ, радуясь успѣху Калинскаго въ надувательствѣ.

— Мы сегодня-же ночью идемъ съ Петею встрѣчать восходъ солнца!

— Идете?

— Да, да, идемъ!

— Но...

— Совершенно вѣрно, Сергѣй Даниловичъ,—подтвердилъ Петръ Владиміровичъ,—мы идемъ! Идемъ на гору, на мысъ!

— Ну, это ваше дѣло, ихъ дѣло,— вмѣшалась мать, полагая, что Калинскій разыгрываетъ прекрасно роль утѣшителя и, конечно, своевременно найдетъ способъ отмѣнить совершенно невѣроятную прогулку.

Она незамѣтно дернула за рукавъ мужа. Тотъ понялъ этотъ знакъ и, въ свою очередь, сказалъ:

— Петру Владиміровичу и книги въ руки.

Поцѣловавъ дочь, родные ушли.

III.

Какъ только забрежжилъ свѣтъ, Петръ Владиміровичъ, взялъ подъ руку Лидію Сергѣевну, отправился съ нею встрѣчать восходъ солнца.

Услышавъ шаги, мать, пріотворивъ дверь изъ спальни и увидавъ идущихъ, почти съ ужасомъ воскликнула:

— Петръ Владиміровичъ! Неужели?!

— Идемъ, идемъ!—возбужденно отвѣтилъ онъ.

— Идемъ, мама...

Молодая дѣвушка закашлялась, схватилась за грудь и не могла больше говорить. Ея глаза горѣли страннымъ блескомъ, а щеки покрыты были яркимъ румянцемъ.

— Сергѣй Даниловичъ!—стала будить мужа Клавдія Егоровна,—они на самомъ дѣлѣ ушли!

— Не можетъ быть?!..

Сребдольскій сталъ быстро одѣваться.

— Боже, какъ хорошо!—тихо произнесла Лидія Сергѣевна, когда очутилась близъ моря,—какъ восхитительно!

— Да, милая, безподобно!—отвѣтилъ Петръ Владиміровичъ.

Картина была дѣйствительно очаровательная. Море, казалось, только что пробуждалось. Вода его еле-еле шевелилась у береговъ. Бирюзовое небо чуть-чуть золотилось на востокѣ. Въ прозрачномъ воздухѣ рельефно вырисовывались далекія горы. Торжественная утренняя тишина не нарушалась ни единымъ звукомъ.

— Дойду-ли только я?.. Тяжело...— сказала больная, когда достигла подножія мыса.

— Дойдешь, увѣряю, дойдешь!—самоувѣренно отвѣтилъ Петръ Владиміровичъ.

И эти слова такъ подѣйствовали на больную, что она вдругъ почувствовала себя словно-бы совершенно здоровою. Ея нервная система въ послѣдній разъ проявила всю оставшуюся силу, и молодая дѣвушка, поддерживаемая сильною рукою любимаго человѣка, взобралась на мысъ въ тотъ самый моментъ, когда на горизонтѣ изъ самаго моря показалось солнце. На мгновеніе она застыла отъ восторга. Лицо ея улыбалось и выражало верхъ счастія и наслажденія.

— Боже, какъ восхитительно!—произнесла она черезъ нѣкоторое время,— благодарю тебя, мой милый, дорогой, мой спаситель! Я...

Вдругъ лицо ея покрылось смертельной блѣдностью, она схватилась за грудь, вскрикнула и свалилась на руку Калинскаго.

Больная умерла, сохранивъ на лицѣ блаженную улыбку.

Тихо положилъ ее на землю Петръ Владиміровичъ, опустился передъ нею на колѣни и, словно пораженный столбнякомъ, смотрѣлъ на застывшія дорогія черты лица своей невѣсты.

Между тѣмъ отецъ и мать, все время слѣдившіе за ушедшими въ бинокль, сначала безпредѣльно радовались, видя, какъ приговоренная къ смерти обожаемая дочь ихъ всходитъ на гору, но когда замѣтили, что на вершинѣ мыса произошло что-то непонятное, вдвоемъ, почти бѣгомъ, отправились на гору.

Первымъ, запыхавшись, достигъ вершины отецъ и, увидѣвъ ужасную картину, воскликнулъ, обращаясь къ Калинскому:

— Что вы сдѣлали?! Если вы... ничего не понимаете, то...

— Я сдѣлалъ это сознательно,—отвѣтилъ Петръ Владиміровичъ

— Убійца!—внѣ себя крикнулъ Сребдольскій.

Въ это время на вершину взобралась мать, упала передъ трупомъ дочери и зарыдала тихимъ сдавленнымъ голосомъ.

— Любуйтесь!—произнесъ Сергѣй Владиміровичъ.

— Но не лучше-ли такъ?—сохраняя невозмутимое спокойствіе и продолжая смотрѣть на трупъ, отвѣтилъ Калинскій: смотрите, съ какою блаженною улыбкой она умерла... А развѣ лучше цѣлые мѣсяцы ужасныхъ мукъ и страданій? Вѣдь не смерть страшна, а мысль о ней, подготовленіе къ смерти, предсмертныя страданія... Ни малѣйшей надежды на ея спасеніе не было, ни одного шанса... Вѣдь я ее люблю не меньше васъ...

Сказавъ это, Калинскій поднялся и прибавилъ:

— Я ухожу, чтобы сдѣлать все необходимое для похоронъ моей дорогой Лиды вотъ здѣсь же, на этомъ мысу...

Отецъ не слушалъ уже его и, ставъ на колѣни рядомъ съ женою, заплакалъ.

И. П. Бѣлоконскій.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА УНИВЕРСИТЕТСКАГО ВРАЧА

«Больше молчать не могу».

Л. Толстой.

Октябрь. Свинцовое небо роняетъ обильно на землю снѣжинки; земля блѣднѣетъ, бѣлѣетъ.

Холодно. Неожиданно рано холодно. Иду въ амбулаторію для студентовъ.

Спѣшу. Сегодня вѣроятно тамъ много. Прошлый годъ бывало въ это время по 60 человѣкъ. Октябрь всегда тяжелый мѣсяцъ для студентовъ съ неустойчивымъ здоровьемъ. Нынѣшній годъ навѣрно будетъ еще тяжелѣе. Приспособляться къ такъ рано завернувшему холоду не легко.

Особливо тяжело теперь приспособляться тѣмъ, у кого неважныя легкія.

Съ такими мыслями прошелъ я въ пріемную. Ожидающихъ много.

Служительскій голосъ раздается по адресу ожидающихъ: «пожалуйте, чья очередь?»

Входитъ брюнетъ съ блѣднымъ лицомъ, лихорадочно горящими глазами и предательскимъ румянцемъ на впалыхъ щекахъ.

Не успѣлъ переступить порогъ, какъ закашлялъ. Ему больно кашлять. Онъ старается удерживаться. Добрые, глубокіе глаза его скорбно смотрятъ на васъ; въ нихъ и страхъ и жажда жизни...

Наконецъ откашлялся. Привычнымъ жестомъ изъ бокового кармана появляется стклянка съ крышкой, а въ ней мокрота съ кровью.

«Садитесь. Какъ чувствуете себя»? «Докторъ, я совсѣмъ поправился въ деревнѣ, прибылъ въ вѣсѣ, пересталъ лихорадить, кашлялъ мало, да вотъ холодно стало, мнѣ много бѣгать по урокамъ приходится, пальто у меня нѣтъ, должно но быть простудился. Опять знобитъ, опять, видите, въ мокротѣ кровь, силы измѣняютъ. Пропишите мнѣ какого нибудь лѣкарства, чтобы я не такъ скоро уставалъ»...

«Въ деревнѣ вы не лѣкарствами поправились. Вы должны меньше работать, лучше питаться. Зачѣмъ вы пріѣхали опять въ Харьковъ? Вѣдь прошлую весну мы съ вами рѣшили уѣхать отсюда на годъ. Ваша болѣзнь, вы знаете, очень серьезная».

«Нельзя, докторъ. Жить надо, надо учиться, работать. У меня есть братишка; онъ въ гимназіи во 2 классѣ и для него надо заработать. На дняхъ отцу долженъ былъ послать 5 р. Какъ же мнѣ меньше работать, нельзя! Кабы могъ, вотъ пальто бы купилъ, тогда не простудился бы. Мнѣ бы только какъ нибудь пробиться до окончанія курса, а тамъ я поправлюсь...

Можно мнѣ получить лѣкарство въ Университетской аптекѣ»?

Врачу приходится писать рецептъ, зная, будучи увѣреннымъ, что рецептомъ тутъ не поможешь. 20 руб. въ мѣсяцъ, и жизнь была бы спасена, жизнь человѣка, умѣющаго трудиться, жизнь глубоко честнаго, такъ ясно и просто сознающаго, что такое нравственный долгъ, готоваго послѣднюю каплю крови нести для ближняго.

Поймите! 20 руб. въ мѣсяцъ и остается въ живыхъ золотое сердце, кристальной чистоты душа, остается въ живыхъ человѣкъ труда и долга. Поймите, матери-гражданки! Надо спасти жизнь, надо спасти человѣка!

Откажитесь разъ пойти въ театръ, откажитесь только отъ одной какой-нибудь шпильки въ современную шляпу, и составятся сотни, тысячи рублей для поддержанія жизни *человѣка*. Поймите, —жизни!

Матери! Нѣтъ выше материнской любви. А тутъ, чтобы жизнь спасти, именно нужна материнская любовь. Вѣдь гибнетъ сынъ, дорогой сынъ! Гибнетъ въ непосильной борьбѣ съ нуждой и болѣзнью. Скорѣе идите на помощь! Иначе будетъ поздно! Пойдутъ ли?

Какъ страстно, какъ всей душой хочется, чтобы пошли на помощь!

Вѣдь отданная читателю страничка изъ дневника унив. врача не больше, какъ одна черточка изъ жизни многихъ, очень многихъ... Пріемная унив. врача могла бы цѣлые года, какъ лѣтописецъ, повѣствовать о кровавыхъ драмахъ.

Я разсказалъ одну изъ тысячи, и этому юношѣ не въ примѣръ прочимъ помогали еще. Ему было дано 50 руб. весной правленіемъ Университета и на нихъ онъ въ деревнѣ сталъ было поправляться. А теперь? Теперь, безъ пальто, бѣгая по урокамъ, обѣдая не каждый день, («дорого, докторъ, не хватаетъ грошей, чтобъ купить въ столовой на мѣсяцъ обѣдовъ, мы съ братомъ черезъ день...»), живя въ конурѣ, именуемой студенческой квартирой, будетъ горѣть, вопреки жаждѣ жизни. Будетъ горѣть и

сгоритъ. Мало того, ему отравятъ остатки дней его. Изъ университета исключатъ того, кто изъ за жажды знанія не пожалѣлъ и жизни.

Приписка въ дневникѣ за то же число: «Боюсь, боюсь, что не съумѣлъ сказать, что надо... Буду еще пытаться вылить въ слово то, что видалъ, что слыхалъ. «Молчать больше не могу»... Въ тотъ же октябрьскій день (все, что я пишу, можетъ быть провѣрено; провѣрено можетъ быть и то, что и вторая страничка относится къ одному и тому же дню) въ амбулаторію для студентовъ вошелъ опустивъ голову, какъ то согнувшись, съ безучастнымъ выраженіемъ лица, бѣлокурый юноша высокаго роста и недюжиннаго сложенія. Онъ чувствовалъ себя неловко: первый разъ въ пріемной; не зналъ гдѣ сѣсть, какъ держать себя. Онъ только еще $1^1/_2$ мѣсяца какъ студентъ.

Не поднимая глазъ, проговорилъ онъ тономъ извиняющагося, конфузящагося человѣка, словно пришедшаго по пустякамъ. «У меня было кровохарканье, я потерялъ порядочно крови, могу я просить какого нибудь лѣкарства изъ унив. аптеки?».—«Это ваше право. Конечно, вамъ надо лѣчиться. Будьте добры разсказать: живы ли ваши родители, какъ ихъ здоровье, не болѣли ли они грудными болѣзнями, не было ли у братьевъ, сестеръ того же, что случилось съ вами»? —«Мои родители и всѣ ихъ дѣти здоровы, въ роду у насъ чахоточныхъ нѣтъ».

«Судя по вашему анамнезу и сложенію, вѣроятно были какія нибудь еще причины, вызвавшія потерю крови?» Тутъ юноша вскинулъ на меня свой какъ бы безучастный взоръ... помолчалъ съ минуту, а затѣмъ я увидалъ что слезинки закапали на поношенную тужурку... Юноша боролся съ своей слабостью и старался смахнуть съ глазъ непослушныя слезы. Онъ ждалъ участья, хотѣлъ, какъ человѣкъ, отъ ближняго помощи.

Глухо, словно изъ за стѣны, долетали до меня отрывочныя фразы: «не могъ достать уроковъ, у меня квартиры нѣтъ; ночи провожу на вокзалѣ; тамъ и случилось кровотеченіе, больше 2-хъ стакановъ, хорошенько я не помню; всѣ эти дни у меня кружится голова».

Опять вскинулъ на меня юноша печальный свой взоръ и какъ будто хотѣлъ сказать: «не смѣй смѣяться, вѣдь мнѣ же страшно тяжело!» «Можетъ быть кровотеченіе было оттого, что я горячаго не ѣлъ; у меня нѣтъ денегъ».

Господа! Мнѣ больно, трудно писать. Горько и до слезъ жалко было слушать невольно исповѣдь юноши, гордаго въ своей нуждѣ и несчастьи, но войдите въ его положеніе! Что долженъ былъ чувствовать онъ? Нѣтъ квартиры... Ничего, добуду урокъ, тамъ кончу курсъ, буду зарабатывать деньги; будетъ и у меня хорошая квартира. Не ѣлъ нѣсколько дней... ничего. Пойду къ товарищу, напьюсь чая... А тамъ найду же себѣ работу... и поѣмъ... ничего... Работа будетъ! Вотъ только бы голова не кружилась! Хлынула кровь изъ горла. Но и тутъ онъ вѣдь голодный, холодный, безъ сна ночи проводитъ на вокзалѣ 2 сутокъ проходитъ прежде, чѣмъ рѣшается онъ идти... къ врачу за помощью. А развѣ помощь *врача* тутъ нужна? Нѣтъ, здѣсь нужна главнымъ образомъ помощь гражданъ! Этотъ гибнущій братъ и сынъ вашъ хочетъ учиться, хочетъ работать. Вѣдь онъ сторицей отдастъ вамъ за *человѣческую* вашу помощь ему теперь, когда у него нѣтъ ни угла, ни куска хлѣба... Вѣдь 8 лѣтъ въ гимназіи его готовили только въ университетъ. И тамъ, въ эти 8 лѣтъ изъ за него недоѣдали, за работой не досыпали ночей... Кончилъ гимназію— университетъ! Еще 4 года труда... впереди какъ идеалъ, интеллигентный трудъ на пользу той же голодной и холодной родины. Только бы силъ хватило кончить, только бы пробиться какъ нибудь въ годы ученія... Въ русскихъ университетахъ больше половины студентовъ не изъ «стана ликующихъ»; большинство изъ нихъ «omnia mea mecum porto»... Бѣдность есть фонъ жизни русскаго студента и если наука не удѣлъ только богатыхъ и людей со средствами, то помогите же, граждане, нести тяготу младшему брату! Подчасъ непосильно бремя его: учиться и добывать себѣ кусокъ хлѣба! Многимъ, многимъ изъ нихъ нужно пальто, теплый уголъ и тарелка горячаго супа. Самый скромный, самый бѣдный, но самолюбивый, не протянетъ къ вамъ руку. Ищите такого и умѣйте помочь, иначе истечетъ онъ кровью прежде, чѣмъ увидите его нужду, его горе.

А его нужда, его горе—ваше горе, граждане!

Не моего слабаго голоса послушайте, послушайтесь голоса сердца вашего, и помощь будетъ дана. Могъ бы еще, и еще развертывать странички изъ дневника своего университ. врачъ, но если судьба ему судила своимъ неискуснымъ, но отъ души идущимъ, словомъ сказать хоть сотую долю того, что сказать должно, то нужда у бѣдности будетъ уменьшена.

Проф. А. В. Репревъ.

ОНИ ПОЗНАКОМИЛИСЬ...

(ИЗЪ СТУДЕНЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ).

Это было весной, цвѣла сирень, они познакомились....

Впрочемъ ничего романическаго не было.

На разсвѣтѣ дьяконъ Аполлонъ Бертолетовъ возвращался съ имянинъ „Константина и Елены"...

Съ Песокъ на Заиковку...

— Выпить-бы чего нибудь...

Копченое, соленое...

Хотя-бы даже простой воды...

Подъ Бурсацкой горкой на Клочковской улицѣ въ тѣ времена былъ большой широкій колодезь съ низенькимъ срубомъ.

— Ежели-бы ведро или нѣчто подобное...

И отецъ Аполлонъ заглянулъ въ темную пропасть.

Оттуда пахнуло прохладой и сыростью.

Дьяконъ потянулся за шестомъ и...

Отецъ Аполлонъ очутился въ колодцѣ.

— Сущіе пустяки... и по поясъ воды не хватаетъ... бормоталъ дьяконъ.

— Прохладно...

И пить уже не хочется...

Надъ водой торчало изъ сруба бревно, на которомъ отецъ Аполлонъ и примостился, подобравъ рясу:

— Чтобы не мокла. Цвѣтъ потеряетъ...

. . . . . .

— Хорошо бы-покурить...

Спички намокли...

Въ это время передъ самымъ носомъ о. Аполлона мелькнула темная масса и плюхнулась въ воду.

— Ф-у-у!

И вновь прибывшій еще въ воздухѣ успѣлъ основательно выругаться.

Мокрый, какъ пудель, выбрался онъ на бревно къ отцу дьякону и въ темнотѣ никакъ не могъ опредѣлить, что за фигура сидитъ съ нимъ рядомъ на томъ-же бревнѣ.

— Это мнѣ съ-пьяна или вы дѣйствительно живой человѣкъ?

— Не только человѣкъ, но и духовнаго званія...

— Это васъ гарантируетъ отъ бѣсовскаго навожденія, столь обычнаго въ подобныхъ мѣстахъ.

— Такъ, значитъ, будемъ знакомы!

— А я—казакъ, Кайдановъ... медикъ... медикъ 3-го курса... одинъ... экзаменъ остался... Чесс... слово! Казакъ, страшное дѣло, казакъ...

— Конечно выбора не представляется. Казакъ, такъ и казакъ... Разъ есть почва для сближенія... подвигайтесь еще!

— По времени года квартира—ничего себѣ. Мѣсто—центральное, десять минутъ... и до собора и до вашего храма науки не болѣе...

— Какъ будущій врачъ... нахожу однако недостатокъ... вентиляціи... Впрочемъ претензіи неумѣстны и безполезны...

Я, собственно, послѣ экзамена... и былъ у Алёнки на имянинахъ... Она—изъ простыхъ... Горняша... но человѣкъ—ба-а-льшой души!

. . . . . .

— А я вамъ вѣрно говорю:

Гдѣ вода—тамъ и бѣсы!

Вотъ они тамъ и калякаютъ...

Еще съ ночи не разлетѣлись...

А если подлѣ колодца еще и икона, какъ вотъ тутъ, такъ имъ и выбраться наружу—нѣтъ возможности...

Объяснялъ старичекъ у колодца собравшейся публикѣ.

— Вотъ грѣхъ-то!—вздыхали кухарки.

По Бурсацкой горѣ отъ 2-й части спускался околоточный съ двумя городовыми.

— Такъ-что, ваше благородіе, два пьяныхъ и, должно быть, еще съ ночи тамъ... Одначе живые и промежъ себя все гуторятъ...

Опустили имъ лѣстницу—не хотятъ выходить...

Намъ, говорятъ, и здѣсь хорошо...

— Господа, потрудитесь разойтись! Ничего интереснаго... пьяныхъ не видѣли?

Изъ колодца доносились воркующіе голоса:

— Видишь-ли, я тоже слегка изъ духовнаго званія... дай я тебя поцѣлую... моя бабушка... ну, да не въ этомъ дѣло... а я тебя полюбилъ съ перваго раза... Ты хоть и въ рясѣ, а малый простой и съ душой...

— И я всегда говорилъ: хорошаго человѣка сразу видно... Гдѣ-бы ты съ нимъ ни встрѣтился... на житейскомъ пути...

Вотъ—и ты: тебя и наука не могла сдѣлать сухимъ...

Хотя ты уже и на 3-мъ курсѣ, а все еще способенъ понимать...

— Господа! Въ послѣдній разъ предлагаю вамъ—потрудитесь вылазить!—командавалъ въ глубину колодца околоточный надзиратель.

— Сердюковъ, сбѣгай—позови душъ пять пожарныхъ, съ веревками...

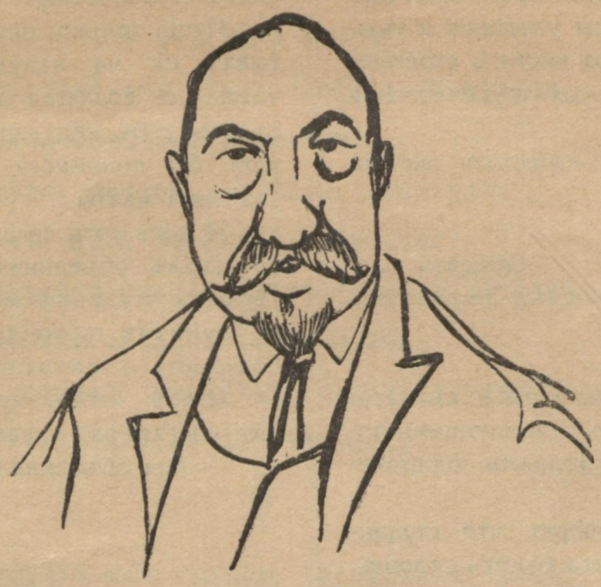
— Вотъ идіёты!—возмущался о. Аполлонъ. Не хотятъ понять, что, если у меня сегодня служенія нѣтъ,—такъ я свободенъ!

— И я: на гистологію я не пойду... и ну её къ черту!

— Въ кои—то вѣки съ человѣкомъ встрѣтился... и, вдругъ, вылазь!

Ив. Огневъ.

Шаржъ



Проф. Гиммель, „любимецъ" Харьковскихъ студентовъ.

ОБЪЕДИНЕНІЕ.

Какъ только доходила очередь до Михаила Алексѣевича Левитскаго, то всѣ уже отлично знали, что рѣчь пойдетъ о 60-хъ г.г., и ораторъ съ этого и начнетъ:

— Мы, шестидесятники...

Въ шестидесятые годы старикъ былъ влюбленъ до конца дней своихъ...

— Но почему же, Михаилъ Алексѣевичъ, такъ цѣните ваши годы?

— А потому, другъ мой, что въ наши года *объединялись*...

И это слово „объединялись" шестидесятникъ произносилъ съ разстановкой и съ большимъ чувствомъ.

Объединялась молодежь, студенчество и когда, напр., въ 1857 г. произошли въ Москвѣ первые студенческіе „безпорядки", то объединенное студенчество заставило признать виноватыми не студентовъ, какъ теперь полагается, а... полицію...

Былъ даже приказъ „не касаться молодежи", и бутошникъ въ Москвѣ ни за что не хотѣлъ вытащить попавшаго въ яму послѣ возліянія студента:

— Намъ, господинъ, не велѣно прикасаться къ студентамъ, посидите пока, можетъ какой вольный подойдетъ... А намъ, то ись, никакъ невозможно...

Въ 60-хъ годахъ, послѣ петербургскихъ событій, когда говорили:

Отъ Смоленска до Ташкента
Съ нетерпѣньемъ ждутъ студента

объединеніе студенчества поражало современниковъ.

Объ этомъ напомнили только прошедшіе бурные „дни свободы".

. . . . . .

Но я хочу сказать не только о важномъ, имѣющемъ огромное значеніе объединеніи въ „морѣ народномъ",—оно возможно и на другихъ истинно демократическихъ началахъ...

Помню, что когда въ Харьковѣ зашла рѣчь о студенческомъ домѣ, гдѣ каждый студентъ нашелъ бы убѣжище отъ одиночества, гнетущаго и ужаснаго въ большихъ и чужихъ городахъ,—помню, какъ встрепенулись, какъ взволновались харьковскіе студенты...

И теперь я прочиталъ въ газетахъ, *) что петербургское студенчество, одновременно съ московскимъ, работаетъ надъ уставомъ студенческаго дома, учрежденія, объединяющаго всѣ экономическія и научныя организаціи студенчества. Это учрежденіе, по сообщенію газетъ, будетъ бороться съ студенческой нуждой созданіемъ студенческаго банка; въ немъ, въ студенческомъ домѣ, хотятъ „возстановить былое довѣріе между отцами и дѣтьми"...

Много надеждъ, много мечтаній...

Вѣрятъ, что и у насъ, даже теперь, даже въ дни нашей жизни, даже при современномъ отношеніи къ студенчеству со стороны правительства и даже при тяжкомъ равнодушіи уставшаго современнаго общества возможно созданіе студенческихъ домовъ по примѣру Парижа, гдѣ 10 лѣтъ назадъ муниципалитетъ отвелъ огромную площадь земли подъ домъ, а парламентъ ассигновалъ 200 тысячъ франковъ.

Въ этомъ домѣ одна библіотека имѣетъ 20 тысячъ книгъ...

Или, чтобы не далеко ходить, по примѣру Гельсингфорса, гдѣ мысль о студенческомъ домѣ возникла еще въ тѣ 60-е годы, о которыхъ такъ восторженно и съ такой тоской вспоминаютъ наши шестидесятники:

Они прошли и не вернутся...

*) № 2 „Студенческой Газеты", „День" и др.

Вернутся...

Русское студенчество прекрасно. Оно даже и теперь, въ годы угнетенія и уныніяя выше—по духу, по чистотѣ стремленій—многихъ заграничныхъ студенческихъ корпорацій...

У него и теперь страстная жажда въ душѣ:

Биться, работать,
страдать...

Но нашему студенчеству не достаетъ очень важнаго:

— Объединенія...

Оно безсильно въ борьбѣ съ матеріальными невзгодами, отнимающими половину жизни, съ тягостнымъ одиночествомъ...

Я, конечно, не говорю, что студенческій домъ—все, но кто будетъ спорить, что такое учрежденіе дастъ много, очень много студенчеству.

Пусть только оно само, не разсчитывая ни на какую благотворительность, не возлагая ни на кого, кромѣ самихъ себя, надежды,—само примется, хотя бы понемногу, за осуществленіе завѣтной мечты...

И вотъ хоть сегодня,—какъ разъ въ праздникъ объединенія—собравшись въ тѣсныхъ товарищескихъ кружкахъ, или на шумномъ торжествѣ съ „отцами", оно подумаетъ о настоящемъ объединеніи...

Чтобы имѣть право также, какъ и шестидесятники, сказать:

— Мы объединялись...

А. Епифанскій.

„ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНІЯ"

—Н. Эн.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ Г. А. Б)

I

Отзвуки прошлаго, думы печальныя,
Сколько разбитыхъ въ васъ грезъ,
Сколько приносите съ мыслями грустными
Горькихъ, отчаянныхъ слезъ...—
Лаской забытою, сказкой несбыточной
Тихо любовь отошла...
Въ мірѣ далекомъ, гдѣ только забвеніе—
Тамъ позабылась она.
Пѣсни умолкли... Аккорды беззвучные
Нѣжной струной не звенятъ,
Сердце устало отъ мукъ, отъ сомнѣнія,
Нѣтъ тѣхъ цвѣтовъ, что пьянятъ!...

. . . . . .

Нѣтъ, не зови!.. Не воротишь прошедшаго,
Все отошло въ міръ иной,
Буду я слушать лишь пѣсни осеннія,
Пѣснѣ повѣрю я той!..
Буду я думать подъ звуки унылые—
— Нѣтъ, не дано мнѣ любить...
Сердце, умолкни, забудь про ушедшее,—
Счастье нельзя воротить.

II.

Я правда устала... Довольно волненій,
Пусть стихнутъ желанья въ груди!

Мнѣ больно, что столько жестокихъ сомнѣній
Пришлось мнѣ у жизни найти.
Гдѣ правда?—Не знаю. Любовь обманула,
Померкла совсѣмъ, навсегда...
И радость умчалась... Ушла, потонула,
Какъ въ небѣ вечернемъ—звѣзда.
Мнѣ хочется счастья, а въ счастье не вѣрю,
Мнѣ жизни и жаль, и не жаль...
Нѣтъ, правда, довольно!.. Я гордость умѣрю.
И встрѣчу съ закатомъ печаль...

III.

Разскажите мнѣ сказку, послѣднюю сказку,
Гдѣ чудеснаго много, гдѣ много мечты,—
— Оттого, что не знала я тихую ласку,
— Оттого, что завяли, поблекнувъ, цвѣты.
Спойте пѣсню, печальную пѣсню разлуки,
Чтобы плакать хотѣлось, чтобъ слезы текли,
Чтобъ растаялъ въ груди тяжкій гнетъ гордой муки,
Чтобъ покой и забвенье мнѣ сны принесли...
Научите любить, но любить по другому...
Я не знала, какъ надо—и все отдала...
Дайте душу мнѣ снова! Пустите къ иному,—
Чтобы грусть, безысходная грусть умерла...

IV. ТОСКА.

Я стою у окна... Бѣлый снѣгъ серебрится...
Землю цѣлуетъ слегка.
Въ сердце рукою костлявой стучится
Черная злая тоска.
Холодно... Падаютъ мертвыя слезы...
Какъ далеко до весны!..
Гдѣ мои бѣлыя, чистыя грезы,
Гдѣ мои легкіе сны?...
Вьются холодныя звѣздочки снѣжныя,
Землю лаская едва...
Гдѣ-то потеряны образы нѣжные...
Грустныя слышу слова...
Холодъ въ душѣ... Я забыла всѣ сказки—
Мнѣ измѣнила любовь!..
Знаю, что жгучія, страстныя ласки
Ужъ не распустятся вновь....

Н. Эн.

„СТУДЕНТЪ“.

Петя Вороновъ получилъ аттестатъ зрѣлости.

Онъ шелъ по улицѣ и думалъ:

— А недурно было-бы, собственно говоря, каждый годъ получать по аттестату...

— Но вѣдь тогда пришлось-бы каждый разъ снова оставаться въ гимназіи,—сдѣлалъ Петя практическій выводъ изъ своего фантастическаго желанія и рѣшилъ, что не стоитъ.

Черезъ три мѣсяца онъ уже будетъ студентомъ, а потомъ...

Воображеніе сдѣлало salto mortale, и Петя увидѣлъ себя знаменитостью. На пьедесталѣ, окруженномъ фиміамомъ всечеловѣческаго поклоненія.

— Хорошо, чортъ возьми, быть знаменитостью... Ну, а пока—нужно идти домой... Ждутъ вѣдь...

Сердце забилось отъ жгучаго приступа ошеломляющей, безотчетной радости.

Онъ остановился и поднялъ голову къ небу,—голубое, ласковое—оно улыбалось ему. Петя глубоко-глубоко вздохнулъ и тоже улыбнулся.

Словно поздоровались...

— Однако, надо идти... Какъ хорошо!.. О, Господи, если-бы всегда такъ!...

Черезъ три мѣсяца Петя поступилъ въ университетъ.

— Студентъ!!!...

Лекціи, театры, танцовальные вечера, товарищескія вечеринки,—пестрая карусель закружилась передъ Петиными глазами.

Кружилась и не давала опомниться.

День убѣгалъ за днемъ.

— Чудная жизнь! Чудные люди!

— Я самый счастливый человѣкъ на свѣтѣ,—говорилъ Петя и широко, на всѣ стороны, улыбался жизни.

Въ самый канунъ Рождества, на сочельникъ, умеръ Петинъ отецъ. Онъ былъ литераторомъ и писалъ въ журналахъ.

Весною умерла мать.

Петя остался одинъ и пересталъ улыбаться.

Пересталъ улыбаться...

— Что дѣлать?.. Средствъ нѣтъ, а жить, жить и учиться,—надо.

Это былъ первый вопросъ, который задала ему жизнь.

Отвѣтъ нашелся самъ собою:

— Работать.

Но какъ?.. Уроки?

Петя попробовалъ. Съ первыхъ-же шаговъ не повезло, и онъ бросилъ.

Литературная работа?..

Онъ еще въ гимназіи писалъ стихи, и учитель русскаго языка находилъ ихъ хорошими, пророчилъ ему будущность.

Петя написалъ длинное стихотвореніе:

— На смерть отца.

Ни одна редакція не приняла:

— Очень искренно... Похвальныя чувства... Но не для печати.

Петя задумался... Жутко и тяжело задумался:

— Навсегда.

Знакомые и товарищи не узнавали его. Веселые и попрежнему довольные, они стали чужими ему, и онъ какъ-то разомъ оборвалъ всѣ знакомства и дружбы.

„Любимыхъ чертъ хотѣлось страстно взору,
„А сердцу бѣдному и ласки и любви...

— писалъ Петя въ одномъ стихотвореніи.

Петя влюбился. Ему отвѣчали. Счастье было найдено—радости вернулись... Но не надолго. Скоро онъ снова былъ одинокъ. Счастье улыбнулось мимолетной, вѣтренной улыбкой.

Цѣлую недѣлю не вставалъ съ кровати. Лежалъ и думалъ.

Потомъ всталъ и взялся за перо.

Ничего не вышло.

На второй день то-же самое.

Но вдругъ:

— Осѣнило вдохновеніе.

Онъ отнесъ стихи въ редакцію.

Согласились принять:

— На первый разъ безплатно. Мы, собственно, стиховъ не печатаемъ.

Петя махнулъ рукой:

— Все равно...

Черезъ три дня онъ ходилъ съ газетою изъ угла въ уголъ и громко упивался первою радостью:

— Видѣть себя напечатаннымъ.

Діагоналилъ по комнатѣ и декламировалъ:

„На жизнь я смотрѣлъ, какъ на чудную сказку,
„Мнѣ снились волшебные сны на яву;
„Всему придавая иную окраску,
„За правду я принялъ пустую молву.
„Я вѣрилъ въ возможность грядущаго счастья,
„Въ незыблемость дружбы, любви и добра
„И въ искренность ласкъ и живого участья...
„И все это было недавно, вчера.
„Погасли лучи золотого разсвѣта,
„Разсѣялись прежніе грезы, какъ дымъ,
„И жизнь безъ прикрасъ, безъ лазурнаго свѣта
„Явилась на смѣну мечтаньямъ былымъ.
„Съ дремавшихъ очей сорвана ужъ повязка,
„Нѣтъ больше цвѣтовъ и блестящихъ огней,
„Забыта волшебная, чудная сказка,
„Забыты и грезы исчезнувшихъ дней.
„Въ душѣ похоронены думы былого,
„И часто сжимается сердце тоской
„И молитъ о счастьи. Но сердца больного

„Теперь не унять ужъ, какъ прежде,—
мечтой.
„Его не обманешь, какъ раньше, бывало,
„Волшебною грезой иль сказочнымъ
сномъ,
„Что раньше чарующей пѣсней звучало,
„Рыданіемъ нынѣ звучитъ о быломъ“...

Когда Петя въ сотый разъ перечитывалъ свое стихотвореніе, отразившее всю жуткую боль и растерянность его души, вошла квартирная хозяйка и потребовала деньги за мѣсяцъ.

Петя сначала даже не понялъ.

— Какія деньги? Зачѣмъ?.. Ахъ, да!.. Но у меня, извините, нѣтъ денегъ...

— А нѣтъ, такъ выбирайтесь. Много васъ такихъ...

Онъ выбрался.

Прошелъ годъ.

Петя перемѣнился такъ, что его не узнавали.

Онъ попалъ въ рубрику людей:

— Которымъ не кланяются.

Даже если и узнаютъ...

Грязный, полуоборванный, заросшій бородой, онъ:

— Внушалъ порядочнымъ людямъ чувство отвращенія.

Отъ него пахло водкой и дешевымъ табакомъ.

Жилъ Петя гдѣ-то на глухой окраинѣ города и въ университетѣ уже не показывался.

Онъ ничего не писалъ, говорилъ рѣдко, мало и какъ-то скупо. Рѣчь его приняла острый, оскорбительный оттѣнокъ.

Однажды, пьяный, онъ устроилъ скандалъ: кого-то побилъ, что-то разбилъ. Составили протоколъ.

Когда разсыльный изъ суда принесъ повѣстку—было это ранней весною—онъ сидѣлъ у порога своей квартиры и, жмурясь, грѣлся на солнышкѣ.

— Здѣсь живетъ Вороновъ?—спросилъ разсыльный.

Петя посмотрѣлъ на него и жестко усмѣхнулся:

— Кто?

— Вороновъ.

— Не про то... Ты кто?

— Разсыльный. Повѣстку принесъ.

— Повѣстку?.. Посланникъ Ѳемиды?.. Я—Вороновъ. Только я съ женщинами не состою въ перепискѣ. Ты ошибся—Ѳемида не моя возлюбленная. Скажи ей это.

Разсыльный разсердился:

— Ты Вороновъ? Ну и бери! Распишись.

Петя отвернулся:

— Не желаю.

— То есть, какъ это не желаешь?

— Такъ.

— Смотри, городового позову.

— Зови.

Пришелъ городовой.

Петя смотрѣлъ на него и улыбался.

— Что здѣсь?—строго спросилъ городовой.

Петя криво усмѣхнулся:

— Не что, а кто. Я. А знаешь, кто ты?

Онъ всталъ съ крылечка и вплотную подошелъ къ слегка опѣшившему городовому.

Городовой молча уставился на Петю.

— А какже на счетъ повѣстки,—оборвалъ странную паузу разсыльный.

— Давай.

Петя выхватилъ повѣстку и разорвалъ, съ громкимъ хохотомъ на мелкіе клочки:

— Вотъ! Расписался...

Городовой очнулся:

— Нечего дурака валять, иди за мной. Тамъ разберутъ.

Петя на мгновеніе задумался, остро прищуривъ глаза:

— Разберутъ, говоришь?.. Ну, идемъ.

Черезъ двѣ недѣли Петю посадили въ тюрьму, а черезъ мѣсяцъ онъ снова былъ на свободѣ...

... Теперь онъ цѣлыми днями слоняется по базару.

Торговки и лавочники дорожатъ его услугами:

— Эй, студентъ, принеси горячей воды!

— Студентъ, донеси корзину!

За эти услуги ему даютъ двѣ—три копѣйки.

Весною Петя приноситъ на базаръ букеты полевыхъ цвѣтовъ и галантно подноситъ ихъ дамамъ-покупательницамъ.

Меньше пятака не даютъ:

— Не за цвѣты, а за любезность.

Мальчишки любятъ приставать къ Петѣ:

— Студентъ, скажи стихи.

Петя застываетъ въ позѣ трагическаго актера и декламируетъ:

„Съ дремавшихъ очей сорвана ужъ
повязка,
„Нѣтъ больше цвѣтовъ и блестящихъ огней,
„Забыта волшебная, чудная сказка,
„Забыты и грезы исчезнувшихъ дней“..

Мальчишки поддразниваютъ:

— А про то, чего хотѣлось...

Петина декламація доходитъ до изступленнаго выкрика:

„Любимыхъ чертъ хотѣлось страстно
взору,
„А сердцу бѣдному и ласки и любви.“

...Мальчишки очень смѣются.

А. Смоляновъ.

Встрѣча

— „Вы куда, коллега Ломоносовъ?!...."
— „Я изъ Архангельска въ Петербургъ... А Вы куда?!...."
— „Я.... изъ Петербурга въ Архангельскъ!...

ЗАВѢЩАНІЕ АЛКОГОЛИКА.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ „ДНЯМЪ НАШЕЙ ЖИЗНИ").

Друзья мои милые, друзья мои хорошіе, друзья моей пьяной и безпутной юности... Э-эххъ... хочется мнѣ вамъ сказать многое, да не знаю, какъ это выйдетъ... Такое сказать, чтобы все вдругъ стало понятнымъ, чтобы всѣмъ вамъ было хорошо; вотъ такъ какъ молнія—вмии-игъ... взяло сразу все и освѣтилось... да.

И я знаю—такое слово есть, есть такое слово... то есть не слово, а это, какъ его... понятіе... и не понятіе... ну, да чортъ съ нимъ...

Главное, не нужно думать, какъ скажешь, тогда что-нибудь скажешь... Помните, какъ Христосъ посылалъ учениковъ на проповѣдь... Ну, да не въ этомъ дѣло... Такъ вотъ... друзья мои... друзья мои... слушайте мое послѣднее слово... слушайте потому, что вамъ никто не скажетъ, такъ какъ всякій себя пожалѣетъ, а тотъ только скажетъ настоящее, вотъ то самое послѣднее нужное, кто себя не пожалѣетъ... вѣрно... вѣрно...

Кто убіенъ будетъ, тотъ спасется... или какъ это... Вы вотъ думаете, что я только пью и только... нѣ-ѣтъ, друзья мои, ошибаетесь... жестоко ошибаетесь... Я не даромъ жизнь свою псу подъ хвостъ бросилъ... Вы вотъ смѣяться будете, а я вамъ скажу, что можетъ я оттого и пью, что я васъ всѣхъ такъ люблю, такъ люблю... и не васъ только... вообще всѣхъ... людей люблю, землю люблю, каждую травку готовъ поцѣловать... каждую росинку... Эх-хъ, чортъ возьми... и отчего все на свѣтѣ такъ прекрасно создано...

Вотъ, не спавши ночь, иду я съ вами пьяный, по базару—плечи у меня въ мѣлу, на бородѣ слюна, торговки смѣются, а я каждый капустный листокъ, каждую морковку глазами ласкаю и плачу, Ей Богу плачу... понюхаешь ее, а отъ нея, мерзавки, землей пахнетъ... Сельдерей, укропъ, петрушка—духъ отъ нихъ, зеленые такіе прохвосты. Такъ бы, понимаешь, головой уткнулся въ нихъ и лежалъ; лежалъ бы и плакалъ...

О чемъ?

О томъ, отчего это все такъ прекрасно кругомъ, отчего такъ дивно, торжественно и единственно...

И ты—маленькая частица этого... это твое, это ты... Понимаешь ли, потрясаетъ тебя все это... потрясаетъ...

Ты думаешь, это просто мужикъ въ мукѣ, съ бѣлыми, точно отъ инея, бровями и бородою—нѣтъ, это такъ его нарочно нарядили—это твой братъ, страдающій братъ, это твое—это только злыя силы земли нарочно, чтобы ты его не узналъ, обсыпали его чѣмъ-то бѣлымъ, какъ наемнаго дурака въ циркѣ—а ты не бойся, пусть смѣются, пойди и поцѣлуй его... да...

А, городовой подошелъ!

Ничего, ничего, братъ, поцѣлуй и его... Вѣдь, пойми, что все это только ряженые... никакихъ ни городовыхъ, ни биндюжниковъ, ни студентовъ, ни писателей на свѣтѣ нѣтъ, а есть только... несчастные, милые, жалкіе люди—люди...

Э-эхъ, братцы... братцы мои... милые родные, единственные... какъ прекрасна и какъ ужасна жизнь... прроклятая послѣдняя жизнь...

. . . . . .

Текутъ эти дурацкіе слезы... Ничего, погоди... Пусть смѣются... Я эту торговку знаю—она добрая. Сейчасъ все пройдетъ...

Ну, вотъ я и не плачу больше... Не нужно платка, чортъ съ нимъ, обойдемся и съ помощью этой праздной руки... Будда, братъ, навѣрное, не имѣлъ носового платка...

Да, такъ-то... хорошо, братъ, все, но отчего же иногда такъ грустно...

Смотри, пудель затерялся, мечется.., ага, потерялъ, бродяга, хозяйку...—собачка, собачка, иси сюда, иси сюда, болванъ... не идетъ, мерзавецъ... давай ему купимъ булку...

Ну, братцы мои, какъ хотите, а привалъ нужно сдѣлать... Крестись, дуракъ, къ заутрени ударили..

Я тутъ одну чайную знаю... все дадутъ... а то весь бензинъ вышелъ, огонь души гаснетъ... и даже на зѣвъ ведетъ... Но ежели изъ насъ какой-нибудь негодяй вздумаетъ „и какъ будто сидя спать", тому я на голову кипятку налью, ветчины за шиворотъ набросаю, хлѣба въ носъ напихаю, а въ крайнемъ случаѣ и мордой объ лавку... а гдѣ Колька?

Ко-о-о-лька!!

Ну, вотъ, смотрите... уже у какой-то булочницы прохвостъ застрялъ... слушай, Колька, если ты будешь отставать и амурничать здѣсь, а въ чайной благоразумно спать, положивъ среди чашекъ и хвостовъ селедокъ твою дурацкую напомаженную голову, то я у тебя вытащу всѣ твои любовныя письма и прочту ихъ вслухъ въ залѣ передъ торговками и молодцами изъ рыбнаго ряда.

Ну, господа, алонъ марше, какъ говорятъ въ Америкѣ, въ ногу, ребята, не вѣшать носовъ... сколько не думай, а выпить надо... Что смотришь, халатское сіятельство? Не видѣлъ пьяныхъ людей? намъ, братъ, пророкъ не запретилъ—приходи, штаны хорошіе продамъ... больше тридцати копѣекъ отъ дырки не возьму... самъ бы носилъ, да деньги нужны.

Колька, опять застрялъ, не отставай, мерзавецъ!

Тутъ тебѣ, братъ, за эти штуки благовѣщенскіе Ромео живо шею накостыляютъ.

II.

Ну вотъ, ну вотъ, ребята, теперь опять хорошо... бензину подбавили и душа опять загорѣлась... Давайте, господа, говорить о жизни... Колька, не спи, не спи, мерзавецъ... Ей Богу, возьму и остригу тебѣ сонному твои великолѣпные усики... хозяинъ, у васъ найдутся ножницы?

Да, такъ вотъ, господа, жизнь это распрекрасная вещь и какъ все прекрасное, ужасную она нагоняетъ грусть и потомъ, отчего мы не умѣемъ жить... разучились жить... всѣ живутъ—песъ, овца, курица, дерево... посмотри, какъ березка трепещетъ подъ первымъ весеннимъ дождемъ, посмотри, съ какою страстью животныя сумѣютъ любить и какъ цѣломудренно, какъ чисто—ужъ когда она тяжелая или со щенками она его не подпуститъ... а у насъ?!.

Нѣтъ у нихъ ни участковъ, ни городовыхъ... покусались погрызлись, шерсть клоками летитъ—смотри, опять друзьями, другъ у друга блохъ ищутъ... такъ и надо, такъ и надо... дѣти и собаки—это геніальныя существа... учитесь у нихъ, друзья мои ..

Господа, братцы мои милые, будемъ какъ собаки... да, вы не смѣйтесь.. Надъ великимъ всегда люди вначалѣ смѣялись... вы не смотрите, что я вотъ, пьяный, сижу здѣсь съ вами и, такъ сказать, весь здѣсь на-ощупь—я вамъ послѣднія—я вамъ послѣднія, большія вещи говорю... Ну, а выпить все таки надо... Колька, не спи... Эй!.. псс..! какъ тебя?.. молодой человѣкъ, изумрудные глаза... давай-ка еще бензину... ну живва... что такое? Хозяинъ говоритъ, и такъ выпивши? а ты что же, полагаешь, что я пью для того, чтобы быть трезвымъ... ну, поворачивайся... а то знаешь?..

И вотъ, знаете, когда вольешь въ себя галонъ бензину, вся эта участковая культура съ тебя, какъ скорлупа съ каштана на огнѣ—фюйтъ къ чертовой матери и ты остаешься самъ, понимаешь, самъ... становишься вдругъ с-а-м-о-сто-ятеленъ, самопроявителенъ... самоуменъ и самоглупъ—все за свой счетъ. Забудешь все это, чему тебя разные идіоты научили, поставишь хвостъ трубой и пошшолъ, какъ теленокъ по зеленой травѣ... забудешь, что ты въ университетѣ учился, потеряешь паспортъ, номеръ собственнаго дома забудешь... всѣхъ ты любишь, такъ все это понимаешь, остро чувствуешь...

Помните, друзья мои, что самые демократическіе люди, наиболѣе склонные къ равенству, это только пьяные...

Выпьемъ, господа, за пьяныхъ, подымемъ, такъ сказать, самотостъ, а я вамъ сейчасъ изображу изъ себя самоштопоръ. На бойся... я, братъ, руки никогда не обрѣжу—получилъ воспитаніе...

Паслѣднее изобрѣтеніе—всякій мужчина самъ себѣ женщина!!!

Только за тебя, Петрушка мой петрѣйшій, я пить не стану, потому что ты трезвъ, какъ послѣдній прохвостъ и, кажется, меня презираешь... Ну, желаю тебѣ хорошую невѣсту, домъ на Сумской и добрую тещу.

А вотъ за себя я выпью... Не думайте, я пока еще не пьянъ, но живу прекрасной мечтой, что я сегодня буду, вро-

дѣ какъ бы три сажени дровъ. Что жъ, иногда и у меня, неудачника, кое-что въ жизни сбывается.

Господа... почтенныя селедочницы, милостивыя государыни и милостивый хозяинъ!! хотите, я вамъ прочту лекцію о пользѣ спиртныхъ напитковъ?.. Нельзя —ну, тогда я сообщу свое ученіе кружку избранныхъ,—господа, слушайте, слушайте же, чортъ возьми—а ты уже, Петросьянцъ, дремлешь.

Человѣчество въ своемъ стремленіи къ такъ называемымъ интеллектуальнымъ ядамъ, въ группу которыхъ нужно отнести и алкоголь, безсознательно стремится вспять, назадъ, къ отнятому у него культурой счастью. Къ звѣриному братству, равенству, любви и къ непосредственности... Высшее счастье человѣка это—умѣніе проявлять себя... выявить все свое...

Онъ рветъ свои оковы, ему надоѣдаетъ, какъ шахматному коню, ходитъ по расчерченному культурой на скучные квадратики полю жизни и вотъ онъ—напивается, кокаинизируется, впрыскиваетъ морфій, куритъ опій или вдыхаетъ эфиръ...

Всякій порядочный человѣкъ, спасаясь отъ этой ужасной, каменной, желѣзной, цементно-бетонной, чтобы ей провалиться, жизни съ ея тюрьмами, векселями, рабами, висѣлицами—долженъ хоть раза два въ годъ какъ слѣдуетъ напиться, а если его къ этому не тянетъ, то, скажу вамъ, человѣкъ этотъ опасный, вродѣ напримѣръ, нашего Петруши,—да не спи же Петросьянцъ,— и подъ жилеткой у такого европейца, вмѣсто нѣжной человѣческой души, весьма легко можно найти исполнительный листъ на своего ближняго. И вы замѣтьте, инстинктивно мы не любимъ абсолютно непьющихъ людей. Вы замѣтьте, всѣ художественныя натуры склонны къ пьянству, потому что онѣ тоньше чувствуютъ и больше понимаютъ всю подлость того, что устроилъ съ собой человѣкъ. Онъ корпитъ надъ расписаніемъ поѣздовъ, загадилъ природу, собственную душу, закоптилъ небо, разогналъ чертей, русалокъ, нимфъ, разрушилъ грезу, мечту, сказку, утратилъ способность къ восторгу, разучился плакать, смѣяться, устроилъ изъ жизни какой-то несгораемый шкафъ, набилъ его печатной бумагой, дутыми акціями и убѣдилъ себя, что это дѣйствительно цѣнность...

Онъ такъ отравилъ насъ, этотъ мерзавецъ, что у насъ теперь единственное лекарство—алкоголь... Господа... друзья мои, я подымаю свой, какъ видите, совершенно полный бокалъ за алкоголь... Vive la France, да здравствуетъ Деруледъ, за здоровье преосвященнаго...

Я хочу восторга, понимаете, я ищу восторга, я желаю со всѣмъ меня окружающимъ слиться, отдаться міру. . а мнѣ въ этомъ прекрасномъ намѣреніи мѣшаетъ городовой...

Опять монашка идетъ... да что васъ изъ мѣшка, что-ли, высыпали? Проходи, проходи, матушка, мы жиды... Чего смѣешься? На булочку, говоришь, на булочку можно дать... у кого, господа, гривенникъ есть?

Такъ вотъ, я и говорю, братцы; я хочу восторга, восторга, экстаза—это приближаетъ человѣка къ геніальности... тогда я полонъ любви, меня окружаютъ дивныя женщины, небесныя созданія... Ахъ, Боже мой, какъ многое можетъ человѣкъ. Да развѣ поймете? и чего разливаюсь я, передъ вами, дуракъ? Вотъ Колька, этотъ болванъ, который опять спитъ. Онъ сдѣлалъ себѣ проборъ, надушился геліотропомъ и думаетъ, что онъ знатокъ женщинъ; болванъ, кобель... я бы сказалъ кто онъ, да стыдно селедочницъ..

И всѣ вы такіе мерзавцы, то есть, такіе прохвосты, дубостои, подмастерья жизни, бакалейщики... вы фальшивые двугривенные, а не люди... Вѣдь вы всѣ мните себя соблазнителями—весь Харьковъ подъ актеровъ обрился, потому что актеры имѣютъ успѣхъ у женщинъ, такъ вотъ чѣмъ хотите взять... Вы у меня спросите, какъ нужно любить женщину, я васъ научу, лакированные вы сапоги, мельхіоровые вы брелоки.

Вы не смотрите—рожа у меня красная, будто соломинкой надутая, борода пусть заплеванная, я вытру,—волосъ на головѣ на двѣ драки осталось, но я достоинъ любви лучшей женщины, потому что я умѣю любить... бо-го-тво-рить...

Я не хотѣлъ вамъ разсказать, да чортъ съ вами, презираю я людей и себя не жалѣю... Вотъ слушайте,—зашелъ я разъ въ церковь, а тамъ стоялъ гробъ, хоронили молодую дѣвушку... Заглянулъ я въ ея восковое скорбное личико: сомкнутыя ручки горбикомъ поднялись, кружевца бѣлѣютъ, тяжело упавшее на полъ покрывало въ ногахъ, какъ царственный шлейфъ, ростъ увеличиваетъ. Послѣдніе, равнодушно прекрасные цвѣты,—даръ земли,—упали въ дыбящихся складкахъ парчи... А она такая царственная и вмѣстѣ наивно грустно-прекрасная въ своемъ послѣднемъ прощаніи съ землей... Ахъ, знаете, чужая, мертвая она мнѣ показалась такой близкой, такой дорогой, невозвратимой, что я васъ увѣряю, мои слезы въ тотъ разъ надъ ея гробомъ были алмазами въ сравненіи съ мутными рѣками, которыя проливала надъ ней ея

родня.—Потому, что мои слезы были тамъ самыя безкорыстныя и такой, какой я ее зналъ, ея никто не видѣлъ. Полгода я любилъ дѣвушку и возилъ ей цвѣты на могилу. Помню, на другой день послѣ похоронъ продалъ я что-то изъ старья татарину и пошелъ въ цвѣточный магазинъ... Но, на рубль двадцать три розочки можно было купить. Часъ цѣлый торговался я за одинъ букетикъ—просили два съ полтиной и такъ мнѣ горько стало за свою бѣдность, за то, что не могу я ей, моей милой дѣвочкѣ, ничего путнаго отнести... чѣмъ думаю, тебѣ пожертвовать, что сдѣлать... Сталъ я посреди магазина на колѣни да какъ заплачу—хозяинъ испугался и даромъ цвѣты отдалъ, вѣдь это—экстазъ, экстазъ для этого нуженъ. И какъ я въ тотъ день плакалъ на могилѣ, какъ жаловался моему хрупкому скошенному другу на свое униженіе... и, Боже мой, какъ мнѣ было хорошо... и какъ больно, и какъ жалко было и себя, и людей...

А вы говорите .. впрочемъ, вы ничего не говорите. Э... да ну васъ всѣхъ къ черту. Я самъ одинъ пью за мертвую женщину и не потому, что живыя мнѣ недоступны... Нѣтъ, я пью за смерть, за красавицу царицу, смерть...

Наиболѣе смѣлыми насъ дѣлаетъ смерть.

Ничего не стоитъ жизнь, если впереди смерть. Давайте пѣть панихиду... почему нельзя? Кто сказалъ? Ты, шестерка, ты самый вонючій кусокъ мяса на твоей буфетной стойкѣ—ты мнѣ запретишь? Ты понимаешь, съ кѣмъ ты говоришь; подождите, не тащите меня, ты понимаешь, съ кѣмъ ты говоришь, я самъ выйду, да оставь Колька. Хамы вы, деревяшки, соблазнители...

Утро мое радостное, мое милое утро... роса, лошади... деревья... и все это умретъ, потому что я умру... Боже мой Боже мой...

Вы люди, звѣри, городовые, товарищи мои милые друзья, мои хорошіе... скажите, за что я такъ страдаю, за что я такъ ужасно страдаю... а-а-а... погибнемъ, погибнемъ друзья, все погибнетъ.

А ты чего свистишь, фараонская морда? Ты безсмертенъ?.. ну такъ я тебя такъ свистну, что ты съ дѣдушкой увидишься...

Колька, пусти, пусти, Колька... Петруша, и ты, Брутъ... Да нѣтъ же, шалишь не на такого напали... а такъ вы всѣ на меня... скопомъ ...ну, что жъ, ну вотъ я лежу, лежу... бейте меня, бейте, мнѣ не будетъ такъ больно... Боже мой, Боже... кто-то когда-то вѣдь и меня любилъ... а вы, честные, трезвые негодяи, помните, что я вамъ говорилъ.

(«Утро»). *П. Тавричанинъ.*

GAUDEAMUS IGITUR.

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus;
Post jucundam juventutem,
Post molestam senectutem
Nos habebit humus,
Nos habebit humus!

Ubi sunt qui ante nos
In mundo fuere?
Vadite ad superos
Transite ad inferos,
Ubi jam fuere.

Vita nostra brevis est,
Breve finietur;
Venit mors velociter,
Rapit nos atrociter
Nemini parcetur.

Vivat academia,
Vivant professores!
Vivat membrum quodlibret,
Vivant membra quaelibet,
Semper sint in flore.

Vivant omnes virgines
Graciles, formosae,
Vivant et mulieres,
Tenerae, amabiles,
Bonae, laboriosae.

Vivat et respublica
Et qui illam regit!
Vivat nostra civitas,
Maecenatum caritas,
Quae nos hic protegit.

Pereat tristitia!
Pereant osores,
Pereat diabolus,
Quivis anteburschius,
Atque irrisores!.

СТРАНИЧКА ИЗЪ ПРОШЛАГО СТАРАГО ПРОФЕССОРА.

МОЛОДЫМЪ ДРУЗЬЯМЪ-СТУДЕНТАМЪ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

За 60 слишкомъ лѣтъ много пережито, много перечувствовано! Есть что вспомнить.

Родился въ эпоху крѣпостнаго права; помню бородатыхъ, безправныхъ людей, которыхъ сѣкли... даже за невкусный супъ. Помню освобожденіе, всеобщую радость, ростъ любви и самоотверженную дѣятельность интеллигенціи, на пользу освобожденнаго народа.

„Въ народъ, въ народъ"!

Помню первые, свѣтлые, горячіе, многолюдные земскіе съѣзды! Помню открытіе новыхъ окружныхъ судовъ съ девизомъ: „правда и милость да царствуетъ въ судѣ".

Помню ночи безсонныя вашихъ дѣдовъ, а моихъ отцовъ въ дебатахъ о

нуждахъ Русской Земли... о нуждахъ Суздальскаго уѣзда. Отрокомъ былъ я тогда, а живо, живо воспроизводитъ мой мозгъ убогую гостиницу съ сальными свѣчами, возбужденныя лица и жаркія рѣчи *первыхъ* Земцевъ.

А затѣмъ 9 мрачныхъ, тяжелыхъ, кошмарно тяжелыхъ лѣтъ гимназіи! Естествознаніе и законовѣдѣніе смѣняются классицизмомъ; русскій языкъ 3—4 раза въ недѣлю, латынь 6—8 разъ, а затѣмъ по пятамъ идетъ греческій языкъ съ 8—9 ур. въ недѣлю... Кто не совсѣмъ забывалъ для латыни и греческаго языка жизнь, тотъ былъ лютый врагъ всего сущаго въ гимназіи и его выбрасывали, какъ блуднаго, негоднаго! Режимъ суровый Д. Толстого царствовалъ!

Отъ жизни—китайская стѣна изъ классиковъ...

Но жизнь брала свое! Да и какъ ей было не брать? Вѣдь это было время молодого Льва Толстого, Достоевскаго, Тургенева, Гончарова, Щедрина, Добролюбова, Помяловскаго, Писемскаго, Златовратскаго, Рѣшетникова...

Они тогда писали свои классическія произведенія, а мы читали и зачитывались ими по незасохшимъ еще печатнымъ листамъ!

Помню, какъ мы дожидались въ извѣстные дни поѣзда изъ Москвы (1-хъ поѣздовъ Моск.-Ниж. ж. д.), сводили знакомство съ почтовыми чиновниками, чтобы узнать, привезены ли новые журналы. Привезли. Везутъ ихъ съ вокзала на почту. Мы туда. Ждемъ. Долго сортируютъ. Наконецъ сданы почтальонамъ. Идемъ за ними. И какъ только новый журналъ съ „Отцы и дѣти“ или съ „Обрывомъ“ отдается въ частную библіотеку (Дурасовой во Владимирѣ), тамъ мы и „позвольте, мы 1-е кандидаты“. Бѣжимъ домой и до тѣхъ поръ, пока не кончимъ...

Шаржъ Гарри

Артистъ Городского театра П. Г. БАРАТОВЪ.

все забыто... Хорошее было это время! Невозвратное!

Съ нимъ, пожалуй, могутъ сравниться незабвенныя минуты, когда приходилось видѣть и слышать корифеевъ русской литературы... Тургенева, Достоевскаго, Щедрина... Были такія литературныя утра въ Питерѣ, на которыхъ читали сами первоклассные художники слова свои произведенія... Передо мной и теперь стоитъ такъ наз. Художественный Клубъ начала семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ Петербургѣ. Большая зала вся полна молодежью... Скромно, скромно входитъ Достоевскій, садится за столикъ и начинаетъ читать проникновеннымъ, зачаровывающимъ голосомъ тѣ главы изъ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ", въ которыхъ описывается болѣзнь матери Нелли, проклятіе ея отцомъ, ея обморокъ на улицѣ и сочувствіе, горячее сочувствіе къ ней собаки „Азорки"... Гробовая тишина...

А когда великій писатель читалъ про Азорку, какъ она лизала руки „лежащей какъ мертвая" на мостовой матери Нелли— слушатели безшумно, загипнотизированные поднялись, чтобы *видѣть* и несчастную мать и сочувствующую ей больше отца родного собаку Азорку. Такъ умѣлъ Достоевскій превращать слово въ явленіе!..

Вспоминаю съ сыновней благодарностью свою alma mater—Медико-Хирургическую Академію (нынѣ Военно-Медицинскую) съ ея блестящей плеядой профессоровъ (Груберъ, Бородинъ, Заворыкинъ, Ціонъ, Рудневъ, Боткинъ, Богдановскій, Эйхвальдъ, Склифасовскій)...

Помню отчетливо конкурсъ при пріемѣ въ Академію изъ 716 державшихъ было принято 400 съ чѣмъ то. Окончило изъ насъ кажется меньше 130.

На нашемъ курсѣ былъ: Бехтеревъ, И. П. Павловъ, Феноменовъ, Н. Поповъ (проф. псих.), Стольниковъ (проф. вн. бол.—покойный), Ястребовъ (проф. акушеръ), Зѣнецъ (проф. вн. бол.), Чижъ и другіе, всего 21 человѣкъ.

Учились мы въ Академіи, вмѣстѣ съ 1-ыми женщинами студентками, слушали лекціи на однѣхъ скамьяхъ! А въ эти годы (начало семидесятыхъ) объединилась Германія, началась война ея съ Франціей. Седанъ, взятіе Парижа, униженіе Франціи. Жалѣли простые русскіе люди тогда теперешнихъ союзниковъ, думалось, и не возстать разбитому, униженному, обобранному народу.

Не поддержали тогда Франціи... А потомъ въ ней же заискивали, съ ней же потомъ союзъ заключили, когда послѣ побѣдоносной Русско-Турецкой войны пришлось перенести позоръ Берлинскаго конгресса... и создать свое политическое одиночество, безсиліе, культурную отсталость, бѣдность...

Затѣмъ эпоха Бисмарка и гегемонія Германіи въ Европѣ до нашихъ дней. Въ концѣ Русско-Турецкой войны насъ, окончившихъ тогда врачей, послали кого въ Болгарію, кого на Кавказъ. Я попалъ въ Богомъ одаренную Болгарію, тамъ только я понялъ, что и я гражданинъ русской земли, что и я участвую хоть малой лептой своей въ освобожденіи Болгаріи. Видѣлъ, какъ формируется государство, какъ создавалась государственность.

Война за освобожденіе Болгаріи была популярна, народъ, интеллигенція, молодежь была за войну...

Къ войнѣ оказались готовыми „русскій солдатъ и русскій врачъ", (слова Александра II).

Мы, врачи, работали по указаніямъ Пирогова и Склифасовскаго. На войнѣ былъ и Боткинъ...

Окончилась война. Наши дипломаты и тогда были на высотѣ своего призванія!! А если бы не было Седана, не было бы и Берлинскаго конгресса... Не было бы, можетъ быть, и Портсмутскаго договора...

Многое видѣлось... изъ за многаго душа болѣла, но не думалось тогда, что будетъ еще горше, что Россія пойдетъ по дорогѣ униженій...

Та война выдвинула Радецкаго, Гурко, Скобелева, Черкасскаго, Дундукова...

Русскіе были подъ Константинополемъ и взяли бы его, еслибъ не дипломаты, если бы не Бисмаркъ и Пруссія, которую Россія же создала...

Люди были готовы для родины быть „со щитомъ или на щитѣ". Лозунга: „терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе" тогда не было. Не справляли именинъ и свадебъ въ день нападенія... Люди *были*.

А потомъ, потомъ были года внутренняго террора и угнетенія. Былъ ужасный 80-ый годъ... Петербургъ тогда былъ городъ мертвый. Въ 8 час. веч. рѣдко, рѣдко пройдетъ прохожій...

Хоронили, грандіозно, народно хоронили въ эти годы лучшихъ глашатаевъ правды и гуманности... Тургенева, Достоевскаго.

Сходили со сценъ и увозились Богдановскій, Боткинъ, Пироговъ..

Тускнѣла жизнь. Настали будни...

Спиритизмъ сталъ въ ходу.

Вспоминать ли дальше? Лучше теперь нѣтъ!

Лучше вздохнуть и сказать: „Да были люди въ наше время..."

Идеей жили. Горѣли сами и жгли сердца другихъ. Потому тогда у homo

sapiens, у вѣнца творенія, цѣнилось то, что у него въ головѣ и сердцѣ, а не то, что въ карманѣ. Теперь же? теперь тотъ и homo, то и государство, у кого капиталъ, хотя бы въ видѣ истребляющихъ человѣка же сверхъ-пушекъ, дредноутовъ цеппелиновъ

Старый профессоръ.

1914 13/I.

ШУРОЧКА

(ИЗЪ СКАЗОКЪ ЮНОСТИ).

Шурочка тихонько вошла къ себѣ въ комнатку, усѣлась на маленькомъ диванчикѣ у окна—и задумалась.

Сегодня ей предстояло первое свиданіе—первое, настоящее, не такія, какъ были раньше. Настоящее—потому, что до сихъ поръ Шурочка встрѣчалась только съ гимназистами, а сегодня встрѣтить ее долженъ былъ студентъ.

Это было, по словамъ ея ближайшихъ подругъ, уже совсѣмъ шикарно. Шурочка гордилась, хотя ей и было отчего то очень жутко.

Объектъ Шурочкиной любви жилъ здѣсь-же, за стѣной—и можно было, не назначая свиданій, встрѣтиться съ нимъ въ садикѣ, куда всѣ выходили гулять послѣ общаго обѣда.

Можно было, словно бы невзначай, встрѣтить квартиранта у воротъ, когда онъ будетъ уходить или возвращаться.

Но Шурочкѣ это представлялось совершенно невозможнымъ.

Свиданіе въ домашнемъ садикѣ, какъ на ладони у всѣхъ домашнихъ, было бы чѣмъ то обдуманнымъ, вовсе не располагающимъ къ тому таинственному, что необходимо должно быть при настоящемъ свиданіи.

И Шурочка назначила студенту встрѣчу въ паркѣ, на другомъ концѣ города.

Она придетъ туда, по совѣту подругъ, съ маленькимъ опозданіемъ. Вообще придти позже, чѣмъ „онъ", считалось у нихъ страшно шикарнымъ. Шурочкѣ же опоздать было необходимо по одному тому, что, какъ она сама хорошо знала, щечки ея вспыхнутъ предательскимъ румянцемъ, когда къ ней подойдетъ студентъ, а это будетъ очень ужъ глупо и наивно.

Если же придти съ опозданіемъ, то можно будетъ сказать, непринужденно, смотря въ сторону:

— Ахъ, простите,—я кажется заставила васъ ждать? Но я такъ спѣшила,—видите, вся запыхалась и раскраснѣлась!

Конечно, назначить свиданіе можно было бы и попозже, въ сумеркахъ, которыя и скрыли бы противное смущеніе. Но это имѣло свою дурную сторону: Шурочка рѣшила пококетничать передъ студентомъ новымъ батистовымъ передникомъ, туфельками, которыя такъ изящно облегали ея крохотную ножку. Кромѣ того, Шурочкѣ очень хотѣлось надѣть форменное платье съ изящнымъ вырѣзомъ и ажурные чулочки. Низкій вырѣзъ будетъ такъ красиво оттѣняться прозрачнымъ батистомъ передника и черной бархаткой на шейкѣ, а къ темному цвѣту формы такъ хорошо подойдетъ свѣтло-желтая лента, которую Шурочка рѣшила заплести въ волосы.

Лента должна была спасти многое. Волосы у Шурочки почему то никакъ не хотѣли расти ниже лопатокъ и кромѣ двухъ маленькихъ „косюлекъ" у нея не выходило ничего. Конечно, парикмахеръ могъ бы и эти косюльки обратить во что-нибудь даже эффектное, но къ парикмахеру Шурочкѣ разрѣшалось ходить только передъ выѣздомъ въ театры.

Неслышно, стараясь ничѣмъ не выдавать свои сборы, Шурочка пересѣла съ диванчика на стулъ передъ туалетомъ и посмотрѣла въ зеркало.

Щечки ея уже и теперь пылали совсѣмъ непозволительно—и въ этомъ былъ главный ужасъ.

Косюльки тоже почему то не ложились аккуратно вокругъ Шурочкиной головки—и завязанныя въ бантики желтыя ленты какъ идіотки лѣзли по вискамъ, вмѣсто того, чтобы оттѣнять маленькія жилки и гармонировать съ бархаткой на шейкѣ.

Шурочка рѣшила вновь передѣлать прическу, вздохнула и машинально попудрила носикъ.

Студентъ Павловъ смотрѣлъ въ окно и улыбался. Онъ былъ почти совсѣмъ готовъ. осталось положить въ портабакъ папиросы и завязать свѣтло-желтый галстукъ, который—ему казалось—будетъ такъ хорошо тонировать съ свѣтло-сиреневой манишкой сорочки и бѣлымъ кителемъ.

Ужъ былъ на исходѣ сентябрь и по вечерамъ бывало довольно прохладно, но Павловъ рѣшилъ этимъ пренебречь: ему хотѣлось пококетничать передъ Шурочкой своимъ кителемъ, въ которомъ, конечно, будетъ особенно хорошо идти рядомъ съ юной хорошенькой дѣвушкой въ форменномъ платьѣ гимназистки.

Онъ, разумѣется, не скажетъ никому, что былъ на свиданьи съ такой маленькой дѣвченкой. Два товарища, вмѣстѣ съ нимъ пріѣхавшіе изъ уѣзднаго городка, уже свели знакомство съ курсистками взглянули бы съ презрѣніемъ на его амурныя дѣла.

Одинъ изъ нихъ—какъ нарочно, только вчера—сказалъ Павлову, что студенту, можно любить только женщину, могущую хотя бы понимать по латыни. Это было тѣмъ болѣе странно, что всѣ трое о латыни имѣли далеко не сильныя представ-

ленія. Но афоризмъ былъ изреченъ въ тотъ моментъ дружескаго пира, когда всякое съ апломбомъ сказанное слово кажется верхомъ мудрости,—и Павловъ первый подтвердилъ, что женщины, не знающія латинскаго языка, тѣмъ самымъ не могутъ претендовать и на вниманіе студента: это быть можетъ парадоксъ, но въ жизни это аксіома.

Это было высказано съ апломбомъ.

Сегодня Павловъ вспомнилъ объ аксіомѣ только послѣ того, какъ трижды прочелъ письмо Шурочки, на которомъ пятна тщательно зачеркнутыхъ словъ долженствовали играть роль какой-то сладкой прекрасной тайны, а вчерашняя аксіома—верхомъ глупости. Конечно, сознаться въ этомъ онъ рискнулъ только самому себѣ. Нельзя же сказать друзьямъ, что онъ влюбленъ въ гимназистку и, вдобавокъ въ дочь квартирной хозяйки.

— Холодный разсудокъ подставлялъ однако еще одно воспоминаніе: отецъ, передъ отъѣздомъ Павлова, твердо наказалъ избѣгать хозяекъ съ хорошенькими дочерьми.

— Это, братецъ мой, такая пагуба вашему брату, что и опомниться не успѣешь!..

Было досадно, что вспомнилось это именно сейчасъ, но вѣдь отецъ не могъ предвидѣть всѣхъ жизненныхъ случайностей.

Конечо, какія-нибудь квартирныя хозяйки и ихъ дочери могутъ вообразить себѣ и всю пошлость матримоніальныхъ вожделѣній, но причемъ же здѣсь Шурочка, которая пока даже не „невѣста", а только гимназистка, и у которой такіе милые интеллигентные родные? Павловъ вынулъ изъ кителя голубенькое письмо и въ сотый разъ прочелъ прелестныя неровныя строчки съ интервалами зачеркнутыхъ словъ:

„Анатолій Сергѣевичъ! Вы мнѣ сказали, что хотите меня видѣть гдѣ нибудь дальше обыкновеннаго и совсѣмъ одну. Приходите сегодня въ 6 часовъ вечера въ паркъ, куда, я могу зайти посидѣть по дорогѣ къ Леночкѣ, съ которой вы, кажется, знакомы, только съ условіемъ, что вы не будете думать, что это свиданіе, такъ какъ мы встрѣтимся просто такъ. Если согласны, то ждите меня на самой крайней аллейкѣ, справа отъ воротъ, потому что тамъ никто почти не бываетъ и вообще..." Что было на аллейкѣ вообще—осталось неизвѣстно, такъ какъ дальнѣйшее, вплоть до подписи „Шурочка",—было тщательно вымарано.

Павловъ улыбнулся: онъ давно уже рѣшилъ, что именно съ шурочкинаго „вообще" и начнется ихъ разговоръ, который заранѣе онъ не могъ себѣ представить, почему и обдумалъ нѣсколько непринужденныхъ темъ.

——

По дорогѣ въ паркъ Шурочка забѣжала къ подругѣ, чтобы справиться о характерѣ общаго ансамбля своей фигурки.

Но Ниночка была явно не въ духѣ. Она видѣла вчера гимназиста, ухаживавшаго за ней „съ какой то другой". Видѣла вечеромъ въ паркѣ—и до глубокой ночи писала ему письмо съ увѣдомленіемъ о томъ, что между ними отнынѣ все кончено на вѣки.

Сегодня письмо было отправлено. Отвѣта не было.

Ниночка только что отплакала полчаса и ей было досадно, что приходъ подруги помѣшалъ ей рыдать ровно столько, сколько было необходимо для женщины, переживающей очевидную измѣну.

Шурочка участливо выслушала повѣсть о разбитомъ сердцѣ своей подруги, хотѣла было посочувствовать до слезъ, но вспомнила, что это испортитъ ей ансамбль и ограничилась тѣмъ, что попудрила покраснѣвшій носикъ своей подруги. Ниночку это тронуло мало. Она молча выслушала соображенія Шурочки насчетъ сочетанія ленточекъ съ бархоткой и батистоваго передника съ низкимъ декольте —и рѣшительно отказалась дать совѣтъ, какъ держать себя съ „нимъ", если „онъ" захочетъ взять Шурочку подъ-руку.

Одно могу сказать, милая—томно и со слабой улыбкой сказала Ниночка. Идти на первое свиданіе съ желтой лентой—очень плохой признакъ... и если хочешь, довольно mauvais ton...

Шурочка огорчилась и была бы не прочь сейчасъ же надѣть ленточку иного цвѣта. Но словно нарочно въ сумочкѣ другой ленты не было, Ниночка не догадалась предложить ей свою, а просить не хотѣлось, тѣмъ болѣе, что Ниночка - уже очевидно на зло—продолжала тѣмъ же утомленнымъ голоскомъ женщины, пережившей слишкомъ многое:

— Милая, какъ же такъ? Ты брюнетка—и вдругъ желтая, свѣтлая ленточка? Нужно было красную, такую—знаешь—вишневую, очень идетъ и, вообще, это страшно шикарно... И потомъ эта бархатка—такъ наивно...

Шурочка прекрасно знала, что она всегда была шатенкой и даже не совсѣмъ темной, но горе Ниночки было такъ глубоко и переживаемыя ею страданія такъ ужасны, что Шурочка не рѣшалась противорѣчить.

Она вышла отъ подруги въ нѣсколько смятомъ настроеніи съ ужасомъ замѣтивъ, что опоздала уже на полчаса и рѣшила сѣсть въ вагонъ трамвая.

Павловъ ходилъ по аллейкѣ и злился.

Пришелъ онъ положимъ слишкомъ рано, но все же шесть часовъ миновали давно и было видно, что Шурочка такъ не торопится на ихъ первое свиданіе.

Кромѣ того, аллейка далеко не оказалась пустынной, какъ ее рисовала Шурочка.

Вдали сидѣла влюбленная пара. На лужайкѣ, сбоку аллейки, играли въ мячъ какіе-то малыши—и Павлову казалось, что влюбленная пара и играющія дѣти, и видятъ, и понимаютъ, что онъ явился на свиданіе и что ему стыдно такъ долго ждать ту, которая можетъ быть не придетъ и вовсе.

Когда часы гдѣ то на церкви или заводѣ пробили половину седьмого, Павловъ рѣшилъ сѣсть на скамейку и смотрѣть не на ворота, а въ противоположную сторну.

— Пусть не думаетъ, что я жду ее уже съ такимъ нетерпѣніемъ...

Въ паркѣ становилось прохладно и Павловъ съ ожесточеніемъ посмотрѣлъ на свой китель:

Идіотъ! Пріятно будетъ идти съ нею и стучать зубами! Поразительное краснорѣчіе!

Мимо прошла группа гимназистокъ и усѣлась неподалеку.

Стало досадно, что гимназистки увидятъ встрѣчу съ Шурочкой—необходимо было всей позой подготовить и подчеркнуть случайность этой встрѣчи, показать, что ничего, кромѣ отдыха среди умирающей природы, ему не было нужно и что приходъ Шурочки даже спугнетъ его настроеніе одиночества.

Павловъ закинулъ нога за ногу, облокотился о спинку скамейки и сталъ тихонько посвистывать что-то очень меланхолическое.

Гимназистки поднялись, снова прошли мимо него, когда возвращались обратно—одна изъ нихъ сдѣлала Павлову глазки и сейчасъ же, смѣясь, зашептала что-то на ушко подругѣ.

Это было уже выше силъ: дурацкій бѣлый китель, малыши и влюбленная пара, видящіе какъ онъ торчитъ здѣсь цѣлый часъ, наконецъ эти гимназистки...

— Студентъ можетъ любить только женщину, хотя бы понимающую по латыни—вспомнилось ему. Разумѣется, это слишкомъ... слишкомъ радикально, что ли... Но втюрится въ гимназистку... тоже, знаете-ли...

Павловъ рѣшительно зашагалъ къ воротамъ и, когда увидѣлъ сходившую съ трамвая Шурочку, ему стало досадно, что она все таки пришла и что ему нужно будетъ пройти мимо тѣхъ гимназистокъ, влюбленной пары и мальчишекъ, которые все видѣли и теперь поймутъ, конечно, все.

Ему вдругъ захотѣлось ускользнуть отъ Шурочки, но она была уже рядомъ, смущенно улыбаясь и тихо бормотала:

— Простите,—я, кажется, заставила васъ ждать?.. Но я такъ спѣшила... видите—вся за-

[illegible] Павловъ посмо-

[illegible] Шурочки и ему стало еще досаднѣе отъ того, что у него почти такого же цвѣта галстукъ и что они будутъ имѣть видъ «братца и сестрицы».—Даже ботинки одного цвѣта—умилительно!—подумалъ онъ мрачно и холодно отвѣтилъ Шурочкѣ;

— Во-первыхъ, вы не раскраснѣлись, а даже блѣдны... А, во-вторыхъ, такъ ли страшно запыхались пріѣхавъ на трамваѣ.

У Шурочки отъ смущенія выступили на глазахъ слезы.

Она поняла, что сказала несообразность и рѣшительно не знала съ чего начать.

— Я хотѣла только извиниться, что вы такъ... долго ждали... Они проходили въ это время мимо сидѣвшихъ на скамеечкахъ гимназистокъ, которыя въ упоръ смотрѣли на нихъ, улыбаясь и, конечно, слышали оправданіе Шурочки, убійственныя для его самолюбія.—И онъ отвѣтилъ холодно и громко:

— Сидѣлъ то я здѣсь потому, что дѣлать мнѣ абсолютно нечего было. А теперь, правда, мнѣ ужъ пора и уходить... Мы, вѣдь, живемъ вмѣстѣ, поговорить всегда успѣемъ, а вы собирались къ какой то тамъ подругѣ? Правда?

И взглянувъ на растерянную фигурку Шурочки добавилъ ѣдко и съ разстановкой:

— Вѣдь у васъ и платьице, и кофточка какія эфирныя—а тутъ холодно! Вы развѣ не боитесь простуды?

Шурочка готова была плакать и боялась теперь только одного—чтобы Павловъ не увидѣлъ ея ажурныхъ чулокъ и не заговорилъ о томъ, что ей грозитъ получить насморкъ.

Я ушла изъ дому очень рано,—тихо прошептала Шурочка. Тогда еще было совсѣмъ тепло... Хотя мнѣ и сейчасъ не холодно...

Однако, вчера вы сидѣли у воротъ въ тепломъ пальто—и то говорили, что все дрожите, безъ жалости продолжалъ Павловъ. Гимназистки также упорно смотрѣли на нихъ, о чемъ-то шептались и громко хохотали.

— Пойдемте домой, погулять-то еще успѣемъ—правда?

Павелъ взялъ Шурочку подъ руку и пошелъ обратно.

Шурочка не сопротивлялась. Она забыла, что нужно было сказать, когда онъ возьметъ ее вотъ такъ... Кажется, обидѣться! Но куда же теперь да еще обижаться? Можетъ быть поощрить его?

Шурочка рѣшила улыбнуться и робко взглянула на Павлова.

— Съ вами такъ удобно идти... Пойдемте, если хотите, домой, только пѣшкомъ. Можно?

Павлову стало жаль эту маленькую полудѣтскую фигурку, такъ робко прижавшуюся къ нему и смотрѣвщую полными

слезъ синими глазами. Но въ немъ не улеглась еще обида ожиданія, его дразнилъ смѣхъ наблюдавшихъ за нимъ гимназистокъ и онъ сухо сказалъ:

— Это будетъ очень долго... Да вѣдь вамъ и запрещаютъ гулять подъ руку? Рисковать не стоитъ...

Проходя мимо гимназистокъ Павловъ важно сказалъ:

— Когда станете курсисткой, тогда бросите всѣ эти ажурные передники, а съ ними и всякіе запреты... А пока—постить надо, ничего не подѣлаешь!

И, хотя у него не было ни одной знакомой даже изъ зубоврачебной школы, солгалъ:

— Я извиняюсь, что взялъ подъ руку... Привыкъ, знаете, гуляя съ курсистками!..

У Шурочки на длинныхъ, темныхъ рѣсницахъ повисли крупныя слезинки.

Шурочка хотѣла отвернуться и незамѣтно стряхнуть, но не успѣла. Слезинки упали на передникъ и расплылись большими пятнышками.

Шурочка была такъ благодарна, что уже незамѣтно наступили сумерки, что можно скрыть и эти пятнышки, и низкій вырѣзъ, и ажурные чулочки.—Тогда прощайте!—тихо сказала она.—Я же обѣщала зайти къ Леночкѣ. Павловъ молча подсадилъ Шурочку на трамвай.

И только когда тронулся вагонъ и стали удаляться въ свѣтѣ голубыхъ сумерекъ его красные сигнальные огни—Павлову стало чего-то до боли жаль и чему-то до слезъ грустно.

Онъ медленно вернулся на троттуаръ. Потомъ заглянулъ на аллейку парка, прошелъ по ней. Гимназистокъ уже не было тамъ, „влюбленной пары“ тоже.

Павловъ сѣлъ на скамейку, вынулъ голубенькое письмо, отъ котораго еще пахло Шурочкиными духами, поцѣловалъ его...

* * *

Въ голубой комнатѣ Шурочки ровно горитъ голубенькая лампада.

Тихо, уютно, чисто.

Шурочка съ заплаканными глазами, въ одной сорочкѣ, съ распущенными косюльками, густо разсыпавшимися по еще худенькимъ плечикамъ, сидитъ у столика.

Отъ нея недавно ушла Ниночка, къ которой она зашла излить свое горе. Ниночка теперь была такая добрая, хорошая и такъ посочувствовала ей и онѣ такъ искренно рыдали—и у Ниночки, и здѣсь въ этой голубенькой комнаткѣ.

Шурочка пишетъ письмо.

Въ немъ такъ же много зачеркнутыхъ словъ и такъ трудно удержаться, чтобы слезинки не падали прямо на бумагу...

„Милый Толя! Не сердитесь, что я такъ называю васъ... Вы же знаете, я такъ люблю васъ! Вы такой сильный, чудный, такой гордый и независимый и мнѣ всегда было такъ хорошо съ вами! Если вы не любите меня, то хоть позвольте иногда быть съ вами и говорить такъ, какъ раньше мы говорили, и мнѣ больше не надо ничего, только не дѣлайте мнѣ такъ больно, какъ сегодня, хотя я и не знаю, за что вы такъ разсердились на меня? Я, конечно, виновата“...

Письмо написано на четырехъ страницахъ и положенъ въ узенькій, лиловенькій конвертъ.

Рядомъ съ нимъ, на стулѣ, сверхъ платья, которое утромъ возьметъ для чистки прислуга, написано крупными буквами на вырванномъ изъ тетради листикѣ: «Маша! это письмо отдайте, только чтобы никто не видѣлъ, Анатолію Сергѣевичу, когда встанетъ»!

— —

Павловъ сидитъ у стола угрюмый, всклокоченный.

Онъ только что вернулся отъ друзей, съ которыми поссорился за то, что они отрицали чистую любовь и настаивали на абсолютномъ торжествѣ физіологическихъ инстинктовъ.

— Вздоръ!—кричалъ имъ Павловъ.—Ерунда! Физіологія это—одно, а любовь—другое! Это быть можетъ, порадоксъ, но это, вмѣстѣ съ тѣмъ и аксіома!

Павлову было досадно, что онъ не можетъ излить чувства своей грусти и не можетъ сказать того, какъ обидѣлъ онъ въ сущности ничѣмъ неповинную Шурочку, —и онъ ушелъ домой.

Тихо пробрался мимо комнаты Шурочки. Остановился у дверей, постоялъ, послушалъ...

Шурочка спала.

Павловъ также тихо зашелъ къ себѣ, зажегъ лампу.

Еще вчера, когда онъ пришелъ также поздно, на столѣ у него стоялъ букетикъ отцвѣтающихъ астръ и георгиновъ.

Теперь на столѣ лежали только его книги.

Въ окна смотрѣла холодная ночь и тихимъ свѣтомъ горѣли звѣзды на темно синемъ ея покровѣ.

Такъ блестѣли глазки Шурочки!

Павловъ нахмурился, взялъ листокъ бумаги, подумалъ и написалъ:

— „Шурочка, звѣздочка моя! Простите, я былъ такъ ужасенъ сегодня, я знаю. Но, вѣрьте, я такъ люблю васъ, такъ хочу загладить вину передъ вами. Если прощаете —напишите хоть нѣсколько словъ—я буду ждать ихъ, какъ самой первой радости и счастья“! Запечаталъ, тихо прошелъ въ конецъ корридора, разбудилъ прислугу.

— Маша! Вотъ вамъ полтинникъ и письмо... Полтинникъ возьмите себѣ, а

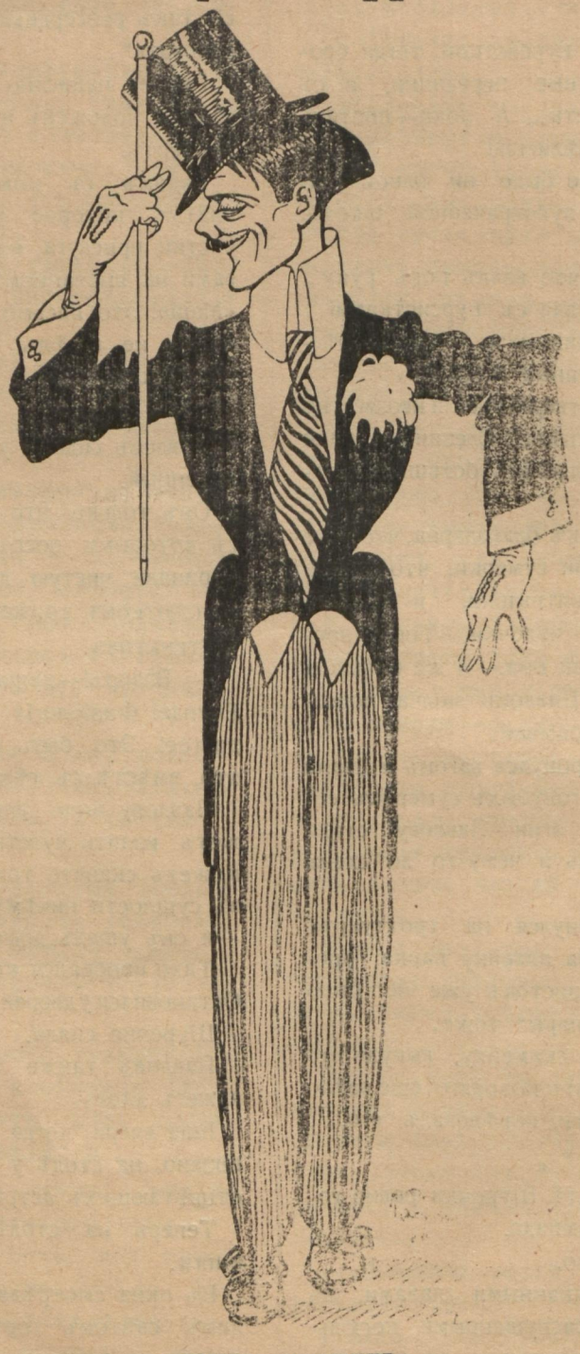
письмо отдайте барышнѣ, когда встанетъ... Только, чтобы никто не видѣлъ"!

———

Вечеромъ у Павлова на столѣ стоялъ букетикъ увядающихъ астръ и георгиновъ.

Н. Верховскій.

Шаржъ Гарри.



МАКСЪ ЛИНДЕРЪ.

СТАРЫЙ СТУДЕНТЪ.

Я не видалъ человѣка болѣе упрямаго и настойчиваго.

Когда онъ былъ молодъ все было въ немъ естественно и просто: онъ смѣялся и очень много, разсказывалъ мастерски смѣшные анекдоты, охотно танцовалъ на вечеринкахъ и даже пилъ въ компаніи водку и напивался пьянымъ, хотя ему это было и непріятно. Я всегда помню его съ охапкой книгъ. Онъ не могъ ихъ прочесть цѣликомъ, выхватывалъ отдѣльныя главы, горячо спорилъ и страстно выкрикивалъ юношески задорныя слова.

Въ Университетѣ онъ былъ очень долго: что то изучалъ, чего то никакъ не могъ закончить. Въ его веселую болтовню вплелась новая нотка и заключалась она въ одномъ словѣ: „Погналъ".

Много разъ зимой, весной, осенью шелъ онъ въ Университетъ мрачно настроеннымъ и возвращался веселымъ. До экзамена было тяжело, послѣ того какъ профессоръ „погналъ"—весело. Все оставалось сзади, все проходило, не надо было думать о пятистахъ страницахъ съ изображеніями бактерій, микробовъ и прочей твари.

Можно было забѣжать къ товарищу, потянуть его въ пивную, словомъ: „дать себѣ передышку". Какъ онъ окончилъ Университетъ—я не знаю. На нѣсколько лѣтъ потерялъ его изъ виду. Встрѣтилъ въ захолустномъ городкѣ, въ клубѣ. Парусиновый, довольно измятый пиджакъ, мягкая сорочка, давно неглаженный, но бѣлый шарфикъ, пенснэ въ роговой оправѣ и обильная шевелюра надъ высокимъ, упрямымъ лбомъ.

Мы зашли въ какой то плохенькій садъ при ресторанѣ. Разговорились. Я слышалъ только „прогнали". Пришлось уйти изъ земства, пришлось уйти изъ частной лечебницы, пришлось внезапно уѣхать изъ-за границы, куда ѣздилъ провожать больного. Гнали, гнали и гнали!

И все таки былъ онъ упрямо и настойчиво веселъ, смѣялся сочно и заразительно.

Многое было начато имъ и не закончено: не успѣлъ, потому что гнали. Много было непріятностей и горя, но не успѣвалъ ихъ толкомъ пережить—потому что гнали. Вся его жизнь была какъ на ладони! „Я, братъ, живу по студенчески. Такъ привыкъ. Семьей не обзавелся: гонятъ отовсюду—не таскать же съ собой семьи... Мнѣ все кажется, что я еще не кончилъ университета и, увѣряю тебя, мой маленькій неврозикъ сердца,—а онъ есть, только изъ за того, что во снѣ вижу каждую ночь экзамены... Встанешь утромъ, вспомнишь, что нѣтъ никакихъ экзаменовъ, никакихъ зачетовъ и счастливъ. Тогда уже никакія огорченія не берутъ".

Я сталъ разспрашивать его о планахъ на будущее.

„Соберу триста рублей, поѣду за границу, поселюсь въ Парижѣ, на мансардѣ и окончу работу. Это мой послѣдній экзаменъ будетъ".

Трехсотъ рублей онъ такъ и не собралъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ встрѣтилъ я его на шумной пирушкѣ. Онъ стоялъ на столѣ, держалъ рѣчь и искреннія слезы дрожали въ глазахъ.

Волосы замѣтно посѣдѣли, появились морщины, лицо какъ то обвисло. Присѣли къ столу.

— Ну, что? пріѣхали изъ Энска провѣтриться?

— Изъ Энска?

— Ну, да... Я тамъ видалъ васъ въ послѣдній разъ.

— Ага! Погнали... Да какъ погнали! Со скандаломъ. Я члену управы откаталъ все. Воровалъ онъ неумѣренно.

— Ну, а теперь?

— Теперь? Пріѣхалъ искать мѣсто.

Я искалъ хоть легкой тѣни огорченія на его лицѣ. Костюмъ былъ здорово потертъ, неизмѣнный шарфикъ свернулся жгутомъ, мягкая сорочка довольно грязна.

Нѣтъ, онъ былъ веселъ, пилъ, хотя и хватался нерѣдко за сердце, громко говорилъ хорошія слова, цѣловался съ молодыми товарищами и все говорилъ о томъ, что еще какъ будто не начиналъ своей жизни, что не сдалъ еще послѣдняго экзамена, что чувствуетъ онъ себя еще студентомъ.

Мы возвращались поздно ночью. Онъ говорилъ отрывисто и быстро.

— Для такихъ, какъ я, еще мѣсто... въ университетѣ, пока молоды... а потомъ... потомъ гонятъ нашего брата „стараго студента"; только это ерунда... ужасная ерунда. Мнѣ не даютъ мѣста, я хожу... Это еще лучше, по крайней мѣрѣ не закиснешь... Мы студенты вѣчно молоды..

А вѣдь въ дѣйствительности былъ далеко не молодъ. Казалось ему только. Я посмотрѣлъ на него подлѣ фонаря. Старая фетровая шляпа и подъ ней измятое лицо, обрюзглое и больное. Подъ глазами мѣшки съ синей каймою. Походка усталая. Недалеко уже до послѣдняго экзамена, на которомъ срѣжется непремѣнно..

Я не видалъ человѣка болѣе упрямаго и настойчиваго, какъ этотъ „старый студентъ".

Я. В. Перовичъ

Ресторанъ „Автоматъ“

Жевержеева и Игнатищева.

НИКОЛАЕВСКАЯ ПЛОЩ.

17 января **Спеціальный Студенческій Гала-Ужинъ** 17 января

ПИВО ВЪ КОВШАХЪ.

покорнѣйше просятъ на балконѣ занимать столы заблаговременно.

ФАБРИКА

каучуковыхъ и металлическихъ

ШТЕМПЕЛЕЙ.

Отдѣленіе писчебумажныхъ и канцелярск. принадлежностей

Г. Я. Шенбергъ

ХАРЬКОВЪ,

Московская улица № 11.

МАГАЗИНЪ ПЛАТЬЯ

Савелій Кацнельсонъ

Московская 11. Телефонъ 1001.

Англійскіе и французскіе товары для пріема заказовъ.

Готовое платье своего издѣлія.

Закройщикомъ приглашенъ

Иванъ Прокофьевичъ КОНЗУБОВЪ.

Г.г. СТУДЕНТАМЪ УСТУПКА.

Магазинъ Мужскаго Платья

В. И. ГЕРМАНОВСКІЙ

ХАРЬКОВЪ,

Подольскій пер., № 2, уг. Рыбной, въ домѣ Банка Торговопромышлен. Телеф. 19-34.

Всегда имѣются въ большомъ выборѣ матеріалы ЛУЧШИХЪ РУССКИХЪ и заграничн. фабрикъ.

Разные мѣха для пріема заказовъ мѣховыхъ вещей, а также принимаются заказы изъ матеріаловъ г.г. заказчиковъ. Заказы выполняются добросовѣстно, аккуратно и въ срокъ, подъ личнымъ моимъ и опытнаго закройщика наблюденіемъ.

ЦѢНЫ ВЕСЬМА УМѢРЕННЫЯ.

Розничное Отдѣленіе Фабричнаго Оптоваго Склада

Торговаго Дома Д. МЕЛАМЕДЗОНЪ и К°

Сергіевская площадь,

доводитъ до свѣдѣнія г.г. покупателей, что съ 3 января назначена

РАСПРОДАЖА ГОТОВАГО ПЛАТЬЯ

ОСТАВШАГОСЯ ОТЪ ЗИМНЯГО СЕЗОНА.

Цѣны назначены съ большой скидкой. Имѣются въ большомъ выборѣ формы всѣхъ вѣдомствъ и учебныхъ заведеній. Пріемъ заказовъ съ гарантіей магазина. Къ весеннему сезону получены роскошныя модели. Цѣны безъ запроса.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Г.г. СТУДЕНТЫ,

не заказывайте нигдѣ платья форменнаго и штатскаго раньше, чѣмъ не зайдете въ магазинъ

ТОРГОВАГО ДОМА

А. Н. КАЛАШНИКОВЪ и К°

Харьковъ, противъ Астраханской гостинницы.

Зайдите и убѣдитесь въ дешевизнѣ, доброкачественности и изящной работѣ. За хорошее исполненіе работы магазинъ ручается, что очень важно.

ДЕШЕВО, ИЗЯЩНО и МОДНО. ЦѢНЫ БЕЗЪ ТОРГА.

ТЕЛЕФОНЪ № 1173.

Магазинъ Л. Г. Комисаровъ.

Харьковъ, Сумская ул., № 2, домъ Куликова, рядомъ съ Земельнымъ Банкомъ.

Удост. Высш. Нагр.

Телефонъ № 2050.

ПРІЕМЪ ЗАКАЗОВЪ

военнаго, гражданскаго, всѣхъ вѣдомствъ, воспитанниковъ всѣхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, а также и штатскаго платья, для которыхъ имѣется **большой выборъ лучшихъ русскихъ и заграничныхъ матеріаловъ.**

Заказы исполняются добросовѣстно подъ личнымъ наблюденіемъ.

Удостоенъ золотой медали. **Удостоенъ золотой медали.**

ВОЕННЫЙ и СТАТСКІЙ ПОРТНОЙ

Ш. Б. СМОЛЯКЪ

Харьковъ, Сумская улица № 14.

Принимаются заказы военнаго, гражданскаго и статскаго платья.

ПО САМЫМЪ УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.

Имѣется большой выборъ разныхъ товаровъ русскихъ и заграничныхъ Фабрикъ.

Заказы выполняются добросовѣстно и къ назначенному сроку изъ своего матеріала и матеріала Гг. заказчиковъ.

ДЛЯ Гг. УЧАЩИХСЯ ДѢЛАЕТСЯ УСТУПКА.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ПРОДАЖА ОБУВИ Мужской, Дамской и Дѣтской

извѣстной германской фабрики

„Акц. О-ва Герцъ“

во Франкфуртѣ н./М.

(Schuhfabrik Herz A. G. Frankfurt a/M.).

въ магазинѣ С. ПРИКА Харьковъ,

Николаевская площадь, д. № 6.

ЦВѢТОЧНЫЙ МАГАЗИНЪ

„Les quatre saisons"

Специальность: ИЗЯЩНАЯ ВЯЗКА ИЗЪ ЖИВЫХЪ ЦВѢТОВЪ

С. А. ШЕВЧИКЪ

Харьковъ, Сумская ул., № 2. Телефонъ № 11—60.

Въ громадномъ выборѣ срѣзанные цвѣты итальянскіе и французскіе, театральные букеты, корзины и лавровые вѣнки.

Лавровыя деревья даются на прокатъ.

ТАКЖЕ ИМѢЮТСЯ МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ ВѢНКИ.

МАГАЗИНЪ

М. Г. ИМХАНИЦКІЙ

ПЕРЕШЕЛЪ

Пушкинская ул., № 58, уголъ Технологической. Телефонъ № 26—53.

Пріемъ заказовъ статскаго и военнаго платья.

Большой выборъ лучшихъ русск. и заграничн. матеріаловъ.

Заказы исполняются добросовѣстно подъ личнымъ наблюденіемъ.

Торговый Домъ

Л. П. СОКОЛОВЪ и С^нъ

Харьковъ, Гостинный рядъ. Телефонъ № 183.

Модныя шелковыя и шерстяныя ткани.

Англійское трико и драпъ для мужскихъ костюмовъ.

Мебельныя ткани и ковры.

Льняное полотно и столовые приборы лучш. фабрикъ.

МАНУФАКТУРНЫЙ МАГАЗИНЪ

Шелковыхъ, Шерстяныхъ, Суконныхъ, Полотняныхъ, Бумажныхъ тканей, а также ковровъ, Одѣялъ, Скатертей, Платковъ и др. товар.

Девизъ: ново, практично и дешево.

Торговый Домъ

Н. П. ПУЛЬКИНЪ и К°

Харьковъ, Университетская ул., № 41.

V.N. Karazin Kharkiv National University
00793552